

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ЧЕРНЫЙ ЗАМОК
НАД ОЗЕРОМ

ЭКСМО

Екатерина Островская

Черный замок над озером

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8639096

Островская, Екатерина. Черный замок над озером : [роман]: Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76511-9

Аннотация

Евгении хронически не везет. Работа неинтересная, да в любви ничего не складывается: Слава Нильский, ее первый и единственный мужчина, не один раз предавал Женю... Разве возможно построить серьезные отношения с самовлюбленным шоуменом Нильским, жаждущим лишь славы и денег?... Совсем отчаявшись, Женя зарегистрировалась на сайте знакомств и нашла там друга! Настоящего, с которым можно было делиться абсолютно всем. А потом в собственном подъезде она встретила и мужчину своей мечты – сильного, заботливого, уверенного в себе... Но словно в компенсацию за счастье в личной жизни вокруг девушки начало твориться нечто странное и пугающее – убийства, взрывы, звонки с угрозами... Полиция безуспешно пытается выяснить, кто застрелил ее начальника. А вот Женя, похоже, догадывается! Но успеет ли она рассказать об этом до того, как сама станет жертвой убийцы?

Содержание

Татьяна Устинова	5
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	53
Глава 5	58
Глава 6	64
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Екатерина Островская

Черный замок над озером

© Островская Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Татьяна Устинова

Перевернутый и очень опасный мир

Помните, в знаменитом романе братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» демоны Максвелла резались в орлянку? Одному везло, он сорвал крупный банк, вероятностные ожидания нарушались, и это их будоражило.

А меня взбудоражил новый роман Екатерины Островской потому, что он по-настоящему нарушает статистическое равновесие. «Черный замок над озером» – сплошная игра, полная воистину случайных, но судьбоносных совпадений.

Вся книга будто бы волшебный мир Алисы – царство вечного обмана, странных интриг и волнующих парадоксов. Постоянные повороты сюжета выбивают почву из-под ног даже многоопытного читателя, до самой последней страницы не давая ни малейшего шанса разобраться в происходящем и разгадать предложенную автором головоломку.

Злодеи и герои, охотники и жертвы, причины и следствия запутаны с восхитительной виртуозностью. Екатерина Островская буквально заставляет прочитать свой новый роман. Еще бы! Только в ее книгах старинный враг может спасти от неминуемой гибели, благонадежный возлюбленный – предать ради получения «доходного места», а случайный знако-

мый оказаться бывшим агентом КГБ.

Роман Екатерины Островской действительно напоминает Зазеркалье своими отчасти фантастическими, но всегда филигранно выписанными персонажами. Главная героиня романа вдруг оказывается посреди странного, перевернутого и очень опасного мира. В точности как Алиса, она встречает своего эксцентричного Шляпника, боязливого Белого Кролика и, конечно же, кровожадную Червонную Королеву – любительницу рубить головы. Вот только проснуться не получится – потому что все в романе «Черный замок над озером» происходит наяву.

Вместе с тем Екатерине Островской с известным изяществом удастся вписываться в жесткие рамки детективного жанра, который не терпит излишней фантастичности. В «Черном замке над озером» все выводы объяснимы, а поступки и мотивы ясны. Екатерину Островскую никак не получится обвинить в пренебрежении к логике расследования. Она в очередной раз подарила нам – своим благодарным читателям – безукоризненно увлекательный детектив.

Умница и красавица, выпускница журфака, Женя начинает расследование хладнокровного убийства своего начальника. Она почти уверена, что за покушением стоит ее бывший начальник – нечистый на руку коммерсант. Но дело оказывается куда серьезнее, чем она могла себе представить. Женя, сама того не ведая, вступает в схватку с могущественным и безжалостным врагом. И теперь ей ничего не остается

ся, как собрать все детали головоломки, соединив случайности в единую логическую цепочку. Только так она разберется во всех перипетиях настоящего, разгадает зловещие тайны прошлого своей собственной семьи и наконец выследит злодея, получив надежду на спасение.

Но настоящий игрок по-прежнему скрывается в тени. Он удачлив, хитер и азартен, играет по-крупному и не ошибается. Будто бы Чеширский Кот, он исчезает в одном месте и появляется в другом, окончательно сбивая Женю с толку своей обворожительной и вместе с тем страшной улыбкой. Становится ясно: от того, кем он окажется – другом или врагом, – и будет зависеть ее судьба.

Глава 1

У мужчин есть множество способов сделать карьеру, но не всегда они действенны. А у прекрасного пола только один, и женщины используют его безотказно. Так считают мужчины, которые, впрочем, в последнее время тоже стали прибегать к нему, особенно когда хотят стать звездами эстрады или телеэкрана. Причем именно эти мужчины громогласно отказываются признавать в девушках наличие ума, таланта, работоспособности и порядочности.

Жене Лукошкиной с карьерой не везло. После окончания журфака она почти сразу устроилась пиар-менеджером в солидную компанию. Увидела объявление о вакансии и пришла на собеседование. В кабинете ее принял представительного вида мужчина, который впоследствии оказался генеральным директором и владельцем предприятия. Он посмотрел на диплом, потом спросил, где Женя проходила практику. После чего уставился на ее джинсики. Изучал их очень внимательно, затем вздохнул почти разочарованно:

– Вы понимаете, что в таком виде на работу приходиться нельзя?

Женя кивнула, предположив, что ей уже отказано в месте. Но представительный мужчина пояснил:

– У нас дресс-код. Завтра с утра приходите в деловом костюме. А там посмотрим.

Вероятно, солидный человек недостаточно ее рассмотрел.

Женя помчалась домой, пересчитала свои сбережения, потом взяла еще из денег, которые были отложены у них с мамой на продукты и оплату квартиры, на всякий случай заняла у соседки и поспешила в магазины. Вернулась домой только вечером с тремя большими пакетами, в которых, аккуратно упакованные, ждали своего часа костюмчики, блузки, пара итальянских туфельек, случайно попавшая под распродажу, коробочки с дорогими колготками и даже один ярко-алый мужской галстук, который, по уверению продавщицы бутика, идеально подходил к серому костюму из коллекции Фенди. Деньги были израсходованы полностью. Зарплату за первый месяц потом пришлось отдать соседке, но пожелание будущего начальства было исполнено.

Утром Женя появилась в офисе. Подошла к секретарской стойке и сообщила девушке, что пришла на работу.

Секретарша бросила цепкий взгляд на пиджачок от Фенди, на красный галстук, подавила ладошкой сладкий зевок и нажала кнопку селектора.

– Михал Михалыч, – произнесла она деловым и очень озбоченным голосом, – тут какая-то пионерка заявляет, что пришла к нам работать.

– Я вчера была на собеседовании, – подсказала Женя, – мне...

– Если вы Лукошкина, то проходите, – не дослушав ее и дождавшись ответа начальства, мотнула головой девушка, –

вторая дверь по коридору ваша.

Кабинет оказался без окна, но со стеклянной стеной, за которой просматривалось просторное помещение, уставленное столами. За них рассаживались пришедшие на работу мужчины.

Компания была солидной, хотя и небольшой. Предприятие занималось производством и реализацией дренажных труб. Сколько работников было занято на производстве, Жень так и не узнала точно. Но этого, вероятно, никто не знал, так как большинство рабочих не имело российских паспортов, регистрации и прав на работу. Но трудились они старательно – по крайней мере, менеджеры по продажам приходили на службу в неплохих костюмах. Всего в офисе работали два десятка мужчин, включая Михал Михалыча, двух его заместителей и главного бухгалтера. Секретаршу звали Броней, а Жень стала второй женщиной в коллективе. Коллектив был спаянным: по выходным менеджеры в полном составе посещали сауну, летом выезжали на рыбалку, зимой выбирались в боулинг. Они создали пейнтбольную команду и перестреливались шариками с краской с другими офисами. Иногда даже побеждали. Секретарша с менеджерами никуда не выезжала, что не мешало ей быть в курсе всего происходящего. Генеральный доверял ей полностью. Она ему тоже.

С первого дня Жень с головой окунулась в работу. И так совпало, что очень скоро объем продаж резко увеличился. Генеральный даже решил расширить производство. Мене-

джеры считали, что увеличение объемов производства исключительно их заслуга. Они получали премии и предлагали новой сотруднице разбавить их мужское общество, отправиться с ними на пейнтбольное стрельбище или поехать на рыбалку.

Жене тоже выдавали премии. А однажды ее вызвал к себе Михал Михалыч. Начальник предложил ей сесть в кресло, посмотрел, как Лукошкина поправила юбку, и вздохнул.

– Вероятно, я скоро предложу вам повышение.

Мужчина снова вздохнул. Вероятно, решение о повышении в должности Лукошкиной было для него непростым шагом.

– Я хочу сделать вас начальником отдела общественных связей.

– Благодарю за доверие, – ответила Женя. И спросила: – Сколько у меня в подчинении будет сотрудников?

– При чем тут это? – удивился генеральный директор. – Я вам предлагаю должность, а не помощников. Вы будете, как прежде, трудиться в своем кабинете и делать ту же работу. С такой же самоотдачей, я надеюсь. Но станете уже не рядовым сотрудником, а начальником с соответствующим окладом.

– Я согласна, – кивнула Женя.

Михал Михалыч опять вздохнул, снова посмотрел на юбку своей подчиненной и понизил голос.

– Теперь по поводу самоотдачи... Оклад вам будет увеличен в два раза. Может быть, даже в два с половиной. И пре-

мии, соответственно, увеличатся. Но в этом случае у вас появятся новые обязанности. Как бы вам объяснить, чтобы вы поняли, что у меня чистые намерения? Видите ли...

Женя уже начала догадываться.

Генеральный директор провел рукой по седеющему виску и признался:

– Дело в том, что я, в сущности, очень одинокий человек. У меня, конечно, есть жена. Но она давно уже вроде делового партнера. У нас ведь фирма оформлена на двоих. И доходы мы делим пополам. Вы представляете, как это? Я тут пашу как проклятый, она спит до двенадцати. Потом мотается по всяким там соляриям, фитнесам, бутикам и кабакам. Чтоб они все сгорели к чертовой матери! А мне самому и голову-то приклонить негде.

– Но у вас же есть Бронислава, – напомнила Женя.

Михаил Михайлович задумался. Затем в очередной раз вздохнул и произнес устало:

– Сплетни. И потом, мне сорок четыре года, а Броне всего двадцать. Как вы себе это представляете?

Женя пожала плечами.

– Ну вот, – обрадовался генеральный директор. – К тому же я собираюсь Броню уволить.

– Не надо, – попросила Лукошкина, – она же со всем справляется.

Женя догадывалась, к чему клонит Михал Михалыч, но не верила, что догадывается правильно, а потому не возму-

щалась и не прервала разговор сразу. В конце концов, генеральному, вероятно, просто захотелось излить душу – не всем мужчинам, как известно, везет с женами.

– Брониславе можно ничего не говорить, – предложил генеральный директор. – Мы же не будем афишировать наши отношения. Вы согласны?

Михаил Михайлович посмотрел на Женю и сам испугался того, что увидел в ее глазах. Даже, кажется, испытал нечто похожее на смущение.

– Ну, это вы неправильно... то есть... А что тут особенно-го? Вы симпатичная, вам надо делать карьеру... Деньги зарабатывать опять же. Все так делают...

В тот момент открылась дверь, и в кабинет вошла секретарша. Вполне вероятно, перед тем как войти, Бронислава постояла какое-то время за дверью, а потому могла слышать последние слова начальства. Но Михаил Михайлович оказался тертым калачом – он повторил последнюю фразу, но уже уверенным и властным тоном.

– Все так делают. А мы будем делать поликарбонат! Поликарбонат для теплиц. Скоро весна, и на него будет большой спрос.

Генеральный директор повернулся к двери и как будто только сейчас заметил присутствие секретарши.

– Что тебе, Бронечка?

– Вы назначали совещание на двенадцать, – напомнила секретарша.

– Ну и?

– Уже без пяти минут.

Михал Михалыч вскинул руку и взглянул на свое запястье. Часы у него были золотые.

– Без трех, – уточнил он.

После чего посмотрел на Женю.

– Идите, Лукошкина! И тщательно разработайте рекламную стратегию по поводу продвижения на рынок поликарбоната. Особенно в рамках моих пожеланий и советов, высказанных только что.

Женя вышла из кабинета начальства, забилась в свою конуру, и ее начало трясти от жалости к себе. Ее не уважают, с ней можно обращаться как с вещью, ей можно предлагать всякие гнусности, зная, что в ответ не будет ни пощечины, ни положенных в подобных случаях слов.

К стеклянной стене подошел один из менеджеров по продажам и, приветливо улыбаясь, постучал по стеклу пальцем. Женя опустила пластиковую шторку, уткнулась лицом в ладони и заплакала.

Сказать, что Женя никогда не пользовалась вниманием мужчин, было бы неправдой. Красавицей она себя не считала, но в том, что не уродина, была уверена наверняка. На начальных курсах на нее не обращали внимания сверстники – тогда Женя была не в их вкусе, слишком худенькая, а следовательно, декольте и обтягивающие блузки были придуманы

не для нее. Но потом природа скрепя сердце отдала Лукошкиной то, что положено. Хотя и не в полном объеме. И почти сразу у Жени случился роман. На Лукошкину обратил внимание первый красавец курса, а может, и всего факультета Слава Нильский.

Он был высок и широкоплеч. Все на нем было с иголочки. Девочки искали возможность пообщаться с ним, подходили с какими-нибудь вопросами, попросить распечатку записи лекции или просто стрельнуть сигаретку. Однако Слава, во-первых, не курил, а во-вторых, хотя и приходил на лекции с диктофоном, но никогда не делал распечаток. Девушки смотрели ему вслед, а потом хмыкали, чтобы никто их ни в чем не мог заподозрить. Все были в него влюблены. И почти все безответно. Только Алла Пасюк смогла завладеть его сердцем.

Алла была на два года старше Жени и ровесницей Нильского, но не это, разумеется, покорило его. Дело в том, что Пасюк была признанной обществом красавицей. Девушка участвовала в конкурсах красоты и побеждала. Мисс России ей стать не удалось, но в тройку первых красавиц она все-таки попала.

– Там все куплено заранее, – как-то сказала Алла в курилке, – все проплачено. Какой-нибудь бизнесмен выбирает себе девочку и ставит перед ней условие. Эти дуры с радостью соглашаются, а потом уже идет конкурс кошельков – кто больше даст. Мне же приходилось всего добиваться самой.

Алла была родом с Украины, где, как известно, красивые девушки всего добиваются сами. Украинская природа щедро одарила ее. Пасюк была высока, тонка в талии и полногрудая. Носила мини-юбки и маечки с глубоким вырезом. Нильского Алла тоже взяла сама, хотя Слава не особо и сопротивлялся. Они были эффектной парой. Очень скоро стали жить вместе, на факультете появлялись вдвоем, а потом под ручку уходили после окончания лекций. Так прошагали весь первый курс и почти весь второй. И вдруг Алла исчезла. Злые языки говорили, что Пасюк забеременела, но проверить это утверждение было трудно, так как Слава молчал. А если его спрашивали напрямую, когда же его подруга появится на факультете, лишь пожимал плечами.

Перед летней сессией Женя пришла на консультацию по истории русской журналистики и увидела в аудитории Нильского. Тот сидел один, и больше никого не было.

– Отменили консультацию, – объяснил он. – А ты разве не знала?

Женя покачала головой. Потом удивилась:

– А ты что здесь делаешь?

– Тебя жду, – ответил красавец.

Это, конечно же, было неправдой. Откуда бы Славе знать, что ей ничего не известно об отмене консультации и что она припрется сюда, как дура? Ложь, конечно, но настолько сладкая, что у Жени защемило сердце. А Нильский встал и направился к ней. Шел, как будто знал, что у сокурсницы ду-

ша ушла в пятки от того, что он пройдет мимо. Пройдет красиво, не обернувшись даже, как будто проходит мимо пыльной витрины, в которой его красота никак не отражается. Но Слава остановился, улыбнулся ослепительно и сказал:

– Давай посидим где-нибудь.

Теперь сердце Жени заняло в радостном ожидании неведомого прежде счастья.

Они спустились в подвальчик со сводчатыми стенами, где располагался маленький бар, а столики были на двоих. В городе сиял солнцем день, но здесь, в помещении с зашторенными узкими, вытянутыми под потолком окнами, стоял полумрак, и на некоторых столах горели свечи. Пахло сиренью и дорогим табаком. Слава подошел к стойке уверенно, словно бывал здесь часто, может быть, каждый день. Взяв бутылку брюта и два бокала, направился к столику, за которым примостилась Женя. Не сбавляя шага, открыл бутылку, причем легко, одним движением, – бутылка лишь тихо охнула приглушенным ладонью Нильского хлопком...

Была середина майского дня, но вечер наступил на удивление быстро. Возможно, в сумерках бара вечер жил всегда, не уходил отсюда никогда. Но Женя не догадывалась об этом.

Она случайно взглянула на часы и удивилась:

– Половина десятого?

– Посидим еще немного, – предложил Слава.

Женя покачала головой и вдруг поняла, что пьяна. Ей даже смешно стало от того, что голова может так кружиться.

Она выбралась из-за столика, и ее качнуло – ноги почему-то не хотели ее держать.

– Мне, кажется, шампанское в голову ударило, – призналась Лукошкина и засмеялась.

Люди, сидящие за другими столиками, обернулись на нее. Маленький подвальчик к тому времени оказался заполненным посетителями, но когда они появились здесь, Женя вспомнить не могла. Как не могла вспомнить, куда исчезли шесть часов, проведенных ею в компании сокурсника. В голове крутились обрывки разговоров, какие-то истории, рассказанные Славой, только все путалось и ясности не было.

– Я провожу тебя, – сказал Нильский.

Женя кивнула и едва не упала Славе на грудь.

Поймали такси и вдвоем уселись на заднем сиденье. Слава обнимал ее за плечи. А потом, открывая перед ней дверь подъезда, придержал Женю за локоть, повернул к себе и поцеловал. Поцеловал быстро, как будто спешил куда-то.

– Надо было ко мне поехать, – шепнул он.

– Надо было, – согласилась Лукошкина и сама испугалась того, что могло случиться, если бы поехали к нему.

– Ты – классная, – снова шепнул Слава.

И побежал к ожидающему его такси.

– Эй! – крикнула ему вслед Женя.

Нильский уже почти добрался до машины.

– Эй! – крикнула она снова.

Слава остановился и посмотрел на нее, словно ожидая то-

го, что девушка непременно предложит подняться к ней. Наверняка так и считал. И не сомневался, что может быть иначе. Даже сделал шаг назад к дому.

– А куда Алла пропала? – смеясь, крикнула Женя.

Нильский обернулся к машине, что-то сказал таксисту, потом подошел к парадному, обнял Женю и шепнул:

– А ее нет. Вернее, она есть, но где именно, меня не интересует. Алла сделала аборт и умчалась на очередной конкурс красоты. Теперь у нее рекламный контракт и она заключивает бабки. Я ей не нужен. Ей никто не нужен, кроме спонсоров.

– Жаль, – вздохнула Женя, – вы так хорошо смотрелись рядом.

– Ты одна живешь? – поинтересовался Нильский.

– С мамой. Она ждет меня сейчас и волнуется.

– Передавай привет.

Женя кивнула, а Слава вернулся к машине и уехал.

Войдя в квартиру, она поспешила в ванную комнату, где долго чистила зубы, чтобы мама не учуяла запах шампанского. Взглянула на себя в зеркало и заплакала. Еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться в голос, смотрела на свое отражение, на свое пьяное лицо, на искривленные непонятным страданием губы, из которых торчала розовая пластмассовая ручка зубной щетки, не понимала, почему плачет, и от этого непонимания становилось еще больше жаль себя. Из крана лилась струя горячей воды, и скоро зеркало помутнело так,

что в нем перестало отражаться ее лицо. Тогда Женя написала по этой мути пальцем такое трудное, но такое желанное слово – «Слава». В последний раз всхлипнула, вытерла слезы ладонью, отбросила в сторону зубную щетку и подумала: «Это все потому, что я все еще девственница». Потом закрыла кран и включила душ, стала снимать с себя одежду.

В дверь постучала мама.

– Женечка, что ты там делаешь?

– Моюсь, – крикнула Женя. И запела:

– Знаю, милый, знаю, что с тобой.

Потерял меня ты, потерял...

Замолчала, снова посмотрела в начинающее оттаивать зеркало. На свои ключицы, на маленькую грудь.

– Богиня, – произнесла с удовлетворением и засмеялась.

Но сразу стала серьезной.

– С этим надо что-то делать, – сказала Женя зеркалу. – Вечно так продолжаться не может. А то придется всю жизнь хныкать.

После последнего экзамена летней сессии, когда всей группой направились в пивной бар, Нильский шел рядом с Лукошкиной. Даже взял ее под локоть, что не укрылось от других девочек. А за столом сел около нее. Сокурсники выставляли на стол кружки с пивом. Поставили и перед Женей.

– А я не пью пива, – сказала она и посмотрела на Славу.

Тот сразу же поднялся и вскоре вернулся с бутылкой брЮта и двумя бокалами, давая понять всем, что они здесь вдвоем и никто не должен им мешать.

– Все ясно, – протянула Лиза Гагаузенко, – тихоня тихоней, а вон как вышло...

Другие девочки промолчали, а мальчиков больше интересовало пиво.

Из бара Нильский с Женей ушли первыми. Он сразу остановил такси и предложил отвезти ее домой.

– Поехали к тебе, – сказала Женя.

В ту ночь произошло то, что должно было случиться.

Глава 2

Оклад Жене увеличили. Не намного, но все же. А главное, никто не заставлял заниматься рекламной стратегией продвижения на рынок поликарбоната или чем-то иным. Михал Михалыч, казалось, забыл и про поликарбонат, и про тот разговор. Женя успокоилась, работала так же, как прежде, но о карьере можно было забыть. Впрочем, денег ей хватало. Лукошкина даже машину приобрела. В кредит, разумеется. И, конечно, маленькую, но зато корейскую. Все было неплохо, или почти неплохо, если не считать того, что она была одна. Женя и жила теперь одна. В своей квартире. То есть почти в своей. Тетя Ника, сестра мамы, отдала ей свою, решив перебраться на дачу. От города не так далеко, а работой Ника Владимировна связана не была. Нет, она работала, как все люди, но каждый день ей не надо было появляться в офисе. Тетя Ника занималась переводами. Получала по электронке заказ на какую-нибудь книгу, потом ехала в издательство подписывать договор, возвращалась в загородный дом, работала, отправляла перевод так же по электронной почте и, если рукопись принималась, мчалась в редакционную кассу за гонораром. На пару месяцев жизни ей хватало. Могло бы хватить и на более длительный период, но у тети Ники это не получалось. Не получалось, потому что... Конечно, это невозможно было скрыть от окружающих. Вероятно, поэто-

му Ника Владимировна и перебралась за город, чтобы как можно меньшее количество народа встречалось на ее пути, когда она отправлялась в магазин. Дело в том, что тетя Ника пила. То, что начиналось когда-то как просто желание «махнуть» в кругу приятелей-интеллигентов рюмку-другую, как-то внезапно изменило круг ее общения. Да и ее саму тоже изменило. Теперь у нее в друзьях ходили опустившиеся личности, которые обычно толкутся у винных магазинов.

Конечно, сказать, что тетя совсем спилась, было бы неправдой. Она продолжала переводить англоязычных писателей и могла это делать в любом состоянии духа. Правда, иногда Ника Владимировна, просыпаясь утром, смотрела на монитор не отключенного с вечера компьютера и удивлялась: «Хм, кто это тут за меня такую фигню нафигачил?» Потом понимала, что видит, судя по всему, плоды собственного творчества, и снова усаживалась за рабочий стол. Впрочем, в издательстве она появлялась в нормальном состоянии. Или почти в нормальном. А работодатели, если и догадывались о чем-то, предпочитали не распространяться на эту тему – как переводчик Ника Владимировна их вполне устраивала.

Уже полтора года Женя жила в квартире тетки и почти четыре рекламировала все те же дренажные трубы. Дома она сделала ремонт и даже приобрела кое-какую мебель. А вот на работе к тому времени уже не все шло гладко. Сбыт упал, склад был забит готовой продукцией, коллектив винил во всех бедах финансовый кризис и Женю Лукошкину. Даже

Михал Михалыч смотрел на нее теперь как-то косо.

И вот настал день, когда начальник попросил ее задержаться после работы. Ровно в восемнадцать ноль-ноль коллектив потянулся к выходу. В половине седьмого в конурку пиар-менеджера заглянула Броня.

– Ты еще здесь? – спросила секретарша.

– Работы много, – соврала Женя.

– Жаль, я думала, ты меня до метро подбросишь.

– В следующий раз обязательно.

Броня упорхнула. На какое-то время мир притих, а потом за стеной прозвучали шаги.

Шаги были медленные и тяжелые. Наверняка по коридору шел Михал Михалыч. Но у Жени пронеслось в голове: «Командор!» Только ей не стало смешно от собственной шутки, а даже наоборот, стало тревожно и немного жутко, словно сейчас должно случиться нечто неотвратимое и страшное. Шаги смолкли возле самой двери. Потом медленно повернулась дверная ручка, створка распахнулась – на пороге стоял генеральный директор.

– Кажется, мы одни в офисе, – произнес он.

Женя кивнула, а в ее голове снова пронеслась фраза: «Как тяжело пожать каменной его десницы...»

Михал Михалыч подвинул к себе свободный стул и осторожно опустился на него. Стул испуганно скрипнул под его массивным телом.

– Как дела? – поинтересовался генеральный директор.

– Плохо, – ответила Женя. – Вы же сами знаете, мы буквально горим.

Михал Михалыч кивнул, соглашаясь. Потом посмотрел сотруднице в глаза, и Лукошкиной стало неуютно от его взгляда.

– Помните наш давний разговор? – спросил директор. И видя, что подчиненная не понимает, о чем он говорит, добавил: – Очень давний.

– По поводу поликарбоната? – догадалась Женя.

Михал Михалыч снова кивнул. Поднялся и опустил пластиковую шторку, хотя смежное помещение было безлюдным. Снова сел на стул, на сей раз осторожнее, и продолжил:

– Так вот, я развожусь. Жена не против – она думает, что я... то есть мы... короче, что наша с ней фирма разорена. Доходов нет, сплошные убытки, а еще долги по кредитам, за аренду офиса не платим четыре месяца, поставщикам задолжали, а тут вдобавок нами заинтересовалась налоговая. В общем, жена недавно заявила, что хочет развода: ей не нужен муж-неудачник. Мы договорились, что квартиру и загородный дом она оставляет себе в качестве компенсации за девятнадцать лет совместной жизни. Я для вида поспорил, в результате оставляю себе свой же «Мерседес»...

– Зачем вы мне все это рассказываете? – перебив, тихо спросила Женя. – Хотите предупредить, что предприятие скоро закроется и я вместе со всеми окажусь на улице?

Михал Михалыч мотнул головой.

– Я же предупредил, разговор будет по поводу поликарбоната. На самом деле я тут зарегистрировал одну фирму. На своего школьного приятеля. Еще три года назад это сделал. Новая моя фирма занимается производством как раз поликарбоната. Я в нее неплохо вложился, все три года нашу прибыль туда сливал. Зато отдача сумасшедшая. Приятель мой, которого я взял для ширмы, потому что он едва ли не бомжевал, теперь валютный миллионер, а я огреб столько, что, собщи я жене свой совокупный доход за это время, мог бы не разводиться, потому что в одну секунду стал бы вдовцом... Но речь не о том. Эта фирма не закроется, а сократится в штате. Жена выходит из состава учредителей, я ей уже выплатил отступные под расписку. Трубы продолжим производить, только менеджеров в офисе будет поменьше, да и отдел общественных связей мне больше не нужен.

– Я поняла, – вздохнула Женя. – Сказали бы напрямую, без преамбулы.

– Ни фига ты не поняла! – усмехнулся генеральный директор. – Ты уходишь со мной в новую структуру. Будешь моим заместителем. Кроме того, я делаю тебе и другое предложение. Повторяю, я развожусь, а один жить не хочу, мне нужны семья и дети. И ты достойная кандидатура...

– В дети? – усмехнулась Женя и сама испугалась своей смелости.

– В жены. Ты мне нравишься...

Лукошкина покачала головой.

Михал Михалыч напрягся, но стерпел, продолжил:

– Очень нравишься. Я теперь одинокий, у тебя тоже никого. Ну, не считая того радиобалаболки, который, кстати, женат и разводиться не собирается.

– Вы что, за мной следили?

– Броня доложила. Прошу, не перебивай больше, я этого не люблю... Короче, в свое время я женился по глупости. Снял когда-то танцовщицу из «Голливудских ночей» и завис на ней. Она жила у меня, спала со мной, а каждый вечер спешила на сцену – раздеваться перед публикой. Меня так колбасило от ревности и злости! Сижу как-то в зале, она спускается, но не ко мне идет, а к другому столику. И перед каким-то кренделем начинает... Тот ей стоху баксов в трусики, потом вторую... Я не выдержал, подлетел к тому козлу и по репе. Тот, оказалось, с двумя телохранителями был. Ну, и понеслась езда по кочкам... Еще охрана кабака подскочила. Короче, скрутили меня, два дня в предзаке проторчал. Но потом друзья меня вытащили. Оба дня моя будущая жена передачи таскала, под окнами стояла, ревела и кричала: «Я люблю тебя! Я тебя ждать буду!» Я и клюнул на эту лабуду. Теперь ей тридцать восемь, и для нее не все потеряно – с теми-то бабками, что я ей отвалил. К тому же у нее есть Стасик. Он моложе ее на десять лет. Тоже, кстати, стриптизер. Альфонс, правда, и бисексуал, но, как говорится, любовь слепа. Дай бог моей бывшей жене удачи и счастья. Однако речь сейчас не о ней.

Михал Михалыч посмотрел на Женю, а та молчала, не зная, что сказать. Точнее, не зная, как отказать, чтобы не обидеть начальство.

– Я тебя не тороплю, – снова заговорил Михал Михалыч. – Понятно, что сразу соглашаются только дуры. А у меня к тому же бандитское прошлое и условная судимость, хотя и погашенная. Подумай хорошенько. А звезду радиоэфира постарайся забыть – он не стоит тебя.

– Мы с ним просто друзья, – постаралась успокоить начальника Женя.

– Да мне плевать на него. Что было, то было. Он пустое место для меня и вообще по жизни ничтожество. Пока со своим тестем дружит, у него все будет нормально, а если с тестем что-нибудь случится или тестя вдруг заклинит, получит звезда под зад коленом... Вот так-то. Я же Петю Гагаузенко хорошо знаю – крышевал его, когда тот еще ларьки у метро держал. А теперь медиамагнат, блин. В прошлом году в самолете его встретил, когда в Штаты летел. Я в эконом-классе, а он в бизнес-салоне. Ведь видел меня, но мимо хотел пройти, будто бы не заметил. Но я ногу выставил. «Че, – говорю, – Гагауз, нос воротишь? Крутым стал? Так я могу напомнить, кто ты на самом деле». Он сделал вид, что удивился, а потом говорит: «Я, Мишаня, теперь с самим Метлой работаю. Так что убери ногу с прохода, если неприятностей не хочешь». Врезал бы я ему, но мы на американском самолете летели, и по прибытии в Нью-Йорк меня бы быстро упа-

ковали. Кстати, Метлу я и сам неплохо знаю. Но поскольку вовремя соскочил с этой темы и не при делах теперь, тереть с законником ничего не хочу. А Гагаузу потом припомню, как он отказался со мной за все хорошее коньячку хряпнуть, чтобы время в пути сократить. Ладно...

Генеральный директор поднялся, повернулся к дверям и, не оборачиваясь, бросил:

– Я предложил, а ты думай.

– Вообще-то я сама уволиться хотела, – быстро соврала Женя, – нашла себе другую работу.

– Думай! – повторил Михал Михалыч и вышел.

Дверь затворилась. Неторопливые тяжелые шаги прозвучали в коридоре и стихли где-то вдалеке. Женя так и сидела в своем кресле – сил подняться и убежать не было. А куда бежать? Завтра ведь все равно придется возвращаться в офис, делать вид, что она здесь трудится над чем-то необходимым и важным. Необходимым и важным для кого? Для Михал Михалыча? Генеральный всегда казался ей странным человеком. У него тяжелые шаги и тяжелый взгляд, но разве могла она себе представить, что Михаил Михайлович был когда-то бандитом? Впрочем, многие бывшие уголовники сейчас наверху. Одни возглавляют крупные банки, известные предприятия, заседают в Государственной думе, придумывают законы – не для себя, разумеется, а для тех, кто и так раздавлен жизнью.

Женя достала из принтера лист бумаги и написала заяв-

ление об увольнении по собственному желанию. Потом выдвинула ящики стола, стала доставать из них и складывать в сумочку личные вещи. Перламутровый лак для ногтей, маленький фонарик в виде брелока для связки ключей, купленный в Тунисе серебряный перстень с крупным красным гранатом, который едва налезал на палец и целый год ждал, когда она отнесет его на растяжку... Еще книжка в потертой обложке – Франсуаза Саган «Здравствуй, грусть». Диск с альбомом Стинга, конверт с распечаткой графика погашения долга по автокредиту. Все это полетело в сумочку.

Из книжки выскочила фотография и упала на пол. Женя наклонилась и подняла. Посмотрела на снимок. На нем она и Слава Нильский, улыбаясь, стоят возле входа на журфак. Слава обнимает ее за плечи, а она со счастливым лицом обхватила его талию и прижимается к статному красавцу, как последняя дура...

После первой их ночи Женя прилетела домой, уверенная, что очень скоро Слава примчится делать ей предложение. Маме сказала, что всей группой после последнего экзамена были в кафе, а потом гуляли всю ночь по набережной и смотрели, как разводят и сводят мосты. Мама поверила. И даже вздохнула, заметив, что тоже любила гулять белыми ночами по набережным.

Нильский позвонил через день, сообщил, что улетает в Крым к приятелю на все лето.

– А я на даче буду, – прошептала Женя, надеясь, что Слава и ее позовет с собой.

Но не позвал. Сказал только:

– Лето быстро пролетит.

И попрощался.

Через минуту позвонил снова.

– Забыл сказать, что люблю тебя.

Женя вытерла успевшие скатиться слезы и шепнула в трубку:

– Я тебя тоже. Очень и очень.

Он потом звонил несколько раз из Крыма. Три или четыре раза. Каждый раз говорил, что скучает и считает дни до того момента, когда увидится с ней снова...

Дачный участок был большой. Одну половину его территории занимали сосны, другую – яблони. Дом стоял как раз на границе между соснами и яблонями. Дом был старый. Его давным-давно построил дедушка, когда мама Жени и тетя Ника были еще девочками. Потом дедушка умер. А мама с сестрой поссорились, и тетя Ника перестала приезжать на дачу. Вскоре на свет появилась Женя. Каждое лето с самого раннего детства она жила на даче с родителями. Но в год, когда Женя поступила в университет, мама возобновила отношения с сестрой, и тетя Ника вновь стала приезжать в не чужой для нее дом.

Своей семьи и своих детей у тетки не было, а потому она привязалась к Жене с бешеной страстью, которую скрывала,

но которая вырывалась наружу в виде неожиданных подарков. Ника Владимировна внешне была замкнутым и мрачным человеком, но с племянницей могла беседовать часами. Могла утром прийти в комнату Жени, зная, что та уже проснулась и нежится в постели.

Заходя, спрашивала каждый раз:

– Не спишь? Ну ладно, поваляйся еще немного. А я тебе подарочек хочу сделать.

Чаще всего она протягивала племяннице очередную книжку какого-нибудь англоязычного графомана в своем переводе. Романы были о любви и в большинстве случаев тупые, но издательство, с которым сотрудничала Ника Владимировна, сделало на них ставку и прогорать явно не собиралось. Удивительно только, что, судя по тиражам, в России находилось немало женщин, которым нравилось читать про страдания миллионерш, которых коварный любовник сбрасывал в пруд, кишащий крокодилами, или перепиливал тормозные шланги в «Порше», зная, что подруга любит носиться по горным дорогам со скоростью сто десять миль в час. С таким же спокойствием на лице тетка подарила Жене старинные сережки с рубинами, золотое колечко с крохотным бриллиантом, тоненькую книжку стихов Анны Ахматовой «Четки», изданную сто лет назад. А потом и свою квартиру.

Тогда тетя Ника если и пила, то тщательно скрывала это. Конечно, Женя с мамой догадывались о ее пристрастии. Да и трудно не догадаться, если вдруг немногословная тетка уда-

лялась работать в свою комнату, а через часок появлялась вновь – веселая и разговорчивая, с неизменной сигаретой во рту. Догадывались, но молчали. Потому что обе знали, отчего Ника Владимировна такая – просто ей не повезло в жизни: ни семьи, ни своих детей нет, и нет даже любимого человека, а может, и настоящей любви не было у нее никогда...

Женя вышла из своей конурки, держа в руке листок с заявлением об уходе, и направилась к секретарской стойке, чтобы положить бумажку на нее. Вечером она позвонит Брониславе и попросит подsunуть заявление на подпись шефу. Сама Женя намеревалась взять больничный и появиться на работе только для получения расчета – видеть лишний раз Михал Михалыча не хотелось. Вернее, Женя боялась еще раз увидеть его. Особенно сейчас, когда они одни в этом помещении, наполненном лишь звенящей тишиной. Девушка, осторожно ступая, подкралась к стойке, протянула руку с листком, обернулась на всякий случай и... вздрогнула – Михал Михалыч стоял у нее за спиной, огромный и властный. Как он смог так незаметно подойти, Женя не поняла.

– Заявление написала? – спросил генеральный.

Лукошкина кивнула.

– Давай сюда.

Она протянула ему листок. Генеральный взял его, не читая, сложил вчетверо и сунул в боковой карман пиджака.

– До свидания, – слабым голосом произнесла Женя, испу-

гавшись того, что это свидание рано или поздно состоится.

Затем проскользнула к выходу, вышла на ослепленную солнцем улочку, шагнула к своей машинке, чувствуя, что Михал Михалыч идет следом. Теперь, вероятно, шеф закрывает дверь, а может, просто стоит на крыльце и смотрит ей вслед. Но ее машинка совсем рядом с его огромным черным «Мерседесом»... Женя быстро юркнула за руль, запустила двигатель, сразу попыталась выехать, но мотор заглох. Она сделала еще одну попытку, видя, как трясется ее рука, тронулась с места и – опять машинка заглохла. Михал Михалыч подошел, приоткрыл дверь ее «коробочки».

– Короче, – сказал он, – соглашайся. Чем скорее ты это сделаешь, тем скорее у тебя будет другая, нормальная тачка. Как у меня или даже круче.

Мужчина захлопнул дверцу. Сел в свой автомобиль и стремительно отъехал.

Женя какое-то время сидела неподвижно. Было обидно и горько. На душе лежал огромный валун, который придавливал ее к сиденью и не давал пошевелиться. Хотелось плакать от того, что она одна на этом свете и заступиться за нее никому.

...Вернувшись из Крыма, Слава позвонил, и Лукошкина помчалась к нему. Мама была на даче, и потому три дня Женя прожила у Нильского на его съемной квартире. Он был загорелым до черноты, только узкий след от плавок казался

молочно-белым. Слава ходил по квартире голый, явно гордясь своим загорелым мускулистым телом.

За день до начала занятий в университете Женя примчалась домой, где ее встретила вернувшаяся с дачи мама. Мама уже сутки была в городе, а Женя, находясь в раю, не удосужилась это проверить. Пришлось объяснять, что теперь в ее жизни появился достойный молодой человек, за которого Женя собирается замуж. Мама обняла дочку и заплакала от счастья.

На самом деле замуж собиралась только Женя, а Слава с предложением руки и сердца не спешил. Теперь она ждала его у дверей факультета, чтобы появиться на лекциях вместе. Часто Нильский опаздывал, тогда опаздывала и она. После занятий вместе ехали к нему домой. Иногда Женя оставалась до утра, и тогда не торопились на занятия уже вдвоем. Она не сомневалась, что Слава любит ее – иначе зачем тогда все это? Правда, днем девушка была не так уверена, но все равно особых сомнений не было.

Так пролетели почти четыре месяца. А в конце декабря на факультете снова появилась Алла Пасюк. Высокая и стройная. Она стала еще красивее и одета была шикарно.

Женя зашла в курилку за компанию с девочками и сразу увидела бывшую сокурсницу. Та сидела, закинув ногу на ногу, демонстрируя сапоги на высокой шпильке с узкими голенищами, усыпанные стразами и прошитые серебряной нитью. Женя растерялась и поздоровалась, перед глазами стали

расплываться радужные круги. Лицо Пасюк тоже уплывало куда-то, в фокусе оставались лишь острые носки сапожек из серебристой змеиной кожи. Девчонки наперебой стали приставать к Алле с расспросами, и она весело рассказывала, что побывала в Италии, в Голландии, во Франции. В Париже поработала в модельном агентстве, где имела успех, и совершила рекламный тур по Латинской Америке. Только ее замучили поклонники, но еще больше ностальгия, а потому Алла решила вернуться на родину и восстановиться на факультете.

Потом девочки поспешили на лекцию, а Пасюк придержала Женю за рукав.

– Погоди.

Лукошкина присела рядом, понимая, чего от нее хочет бывшая сокурсница.

– Хорошо выглядишь, – усмехнулась Пасюк.

– Куда мне до тебя, – вздохнула Женя.

– Это хорошо, что ты все понимаешь. Короче, оставь Славку в покое. Он был моим, моим и останется. Если будешь у меня под ногами путаться, я тебя раздавлю.

– Пусть Слава сам решает.

– Он давно уже все решил. А я просто тебя предупреждаю: один взгляд в его сторону, и тобой займются серьезные люди. Переломают всю и на трассу выставят. Хочешь?

Женя поднялась и выскочила из пропахшей табачным дымом комнатухи.

Слава в тот день на факультете не появился. Вечером Женя позвонила ему домой, но трубку никто не снял. И следующий день занятий Нильский пропустил. А когда Женя позвонила ему в очередной раз, трубку сняла Пасюк.

– Хеллоу, – долетело до Жени грудное придыхание Аллы.

Женя не бросила трубку сразу, продолжая молчать. А потому Пасюк догадалась, кто звонит.

– Слушай сюда, Лохушкина, я тебя предупредила и сто раз повторять не собираюсь. Считаю, что проблемы у тебя начались.

– Передай трубку Славе, – попросила Женя.

Она не сомневалась, что Нильский стоит, а может, даже лежит рядом с Аллой.

– Да пошла ты! – ответила Пасюк и бросила трубку.

На следующий день Слава наконец появился на факультете. Столкнувшись в коридоре с Женей, проскочил мимо, словно не заметив ее. Она не стала его окликать и даже смотреть ему вслед. Спустилась по лестнице, минуя гардероб, вышла на улицу. Декабрь хлестал ледяным дождем, но Жене было все равно, потому что жизнь кончилась. Ей хотелось только одного – простудиться и умереть поскорее, по возможности без мучений и кашля.

Глава 3

Всякая история имеет начало. Эта история началась вечером, когда Женя лежала в кровати под одеялом в своей комнате на втором этаже загородного дома. Лежала и думала о том, что произошло за последние дни. Уже почти полтора месяца она без работы, и когда найдет новую, одному богу известно. Хотя бог, вероятно, отвернулся от нее, а может, просто не может найти. Так уж случилось, что Женя, приехав на дачу, чтобы скрыться от Михал Михалыча, спряталась и от своего будущего.

В тот день, когда написала заявление об увольнении, она вернулась домой, подумала немного и позвонила Броне, сообщив ей, что намерена покинуть дружный дренажный коллектив.

– Правильно сделала, – одобрила Броня. И добавила: – Я тоже давно хочу уволиться.

– Я нашла себе другую работу, но там требуют срочного вступления в должность, поэтому в заявлении я попросила отпустить меня без отработки.

– Что хоть за работа?

– В Москве новый телеканал открывается. Сокурсница уже там, предложила мою кандидатуру на должность редактора, и мое резюме устроило руководство. Буду теперь работать в столице. Уезжаю сегодня. А потому прошу, ска-

жи главбуху, чтобы полагающиеся мне деньги перечислил на мою банковскую карту. В бухгалтерии есть все данные.

Женя специально солгала по поводу работы в Москве, будучи уверена в том, что Броня завтра же расскажет об этом Михал Михалычу. Сама же она решила спрятаться на даче, а маму предупредить о том, чтобы та никому не говорила, где сейчас находится дочь. Пусть отвечает, что Женя работает в Москве и снимает квартиру в районе станции метро «Щелковская».

Деньги поступили на карточку очень быстро: ни много и ни мало, а ровно такая сумма, которая полагалась Жене при увольнении. Новую работу она начала искать сразу – через Интернет и обзванивая знакомых. Но результата не было. Так прошли июль и половина августа. После первого густого и теплого августовского тумана в лесу появились грибы.

И вот теперь Женя лежала в постели, свернувшись калачиком под одеялом, в своей комнате на втором этаже загородного дома. Засыпая, она услышала, как что-то прогрохотало над головой, словно по небу проехала неспешная телега, груженная пустыми металлическими бочками. Затем еле слышно скрипнула старая сосна, несколько шишек слетели с ее веток, шлепнулись на крышу, прошуршали по шиферу и скатились в небытие. Редкие капли дождя простучали по жестяному подоконнику, и почти сразу начался ливень. Ливень колотил мокрым пальцем в оконное стекло, но Женя, так и не поняв, чего он хочет, уснула. И видела во сне голо-

го Славу Нильского с узкой молочной полоской на бедрах. Нильский сидел перед микрофоном в радиостудии со стеклянными стенами, а вокруг бесновалась толпа, над которой звучал усиленный динамиками бархатный голос Славы:

– Каждый может принять участие в моей передаче. Каждый, кто хочет разбогатеть, не рискуя остаться при этом без штанов...

Во сне Женя хотела приблизиться к Славе и заслонить его наготу. Но ее толкали и пинали, чтобы успеть пробиться к стеклянным стенам раньше других. Она остановилась, обернулась и увидела у серой стены рыдающую Аллу Пасюк в узких рваных джинсиках, заправленных в модные когда-то сапожки, с которых теперь осыпались стразы и серебряная нитка болталась спутанной бахромой. Алла размазывала по щекам сине-зеленые полосы растекшихся теней, плечи ее тряслись. Женя подошла к бывшей однокурснице, обняла и прошептала:

– Не надо, Аллочка, не стоит Слава твоих слез. Успокойся, все у тебя будет хорошо. Видишь, как мне хорошо сейчас.

Тут она вспомнила о своем увольнении, о Михал Михалыче, который наверняка разыскивает ее, чтобы взять в рабство, о том, что денег на карточке уже не осталось, и проснулась.

В комнате было темно и тихо. Только откуда-то из мрака, едва слышные, доносились до второго этажа чьи-то сдавленные рыдания. Женя поднялась и вышла из комнаты, начала

спускаться на первый этаж, но на лестнице встретила маму.

– Иди, доченька, спи, – шепнула та.

– А кто это плачет?

– Где? – притворилась глухой и непонимающей Виктория Владимировна.

Но рыдания звучали слишком явственно, и мама, вздохнув, все же ответила шепотом:

– Это Ника. Наверное, лишнего перебрала. Не волнуйся, она проспится, и все будет хорошо.

Женя вернулась в свою комнату, снова легла, но долго не могла заснуть. Тетя вскоре в самом деле перестала плакать, а Женя вспомнила свой недавний сон и подумала: «К чему он? И вообще, зачем посылать в мои сновидения Нильского, про которого я не хочу вспоминать?»

...Слава прожил с Пасюк два года. Алла, правда, временами уезжала в рекламные туры, появлялась на каких-то презентациях, участвовала в фотосессиях. Ее портреты иногда появлялись в журналах. На снимках Алла всегда была раскованна. То она пыталась запахнуться в роскошную шиншилловую шубку, едва прикрывавшую обнаженное тело, то высовывалась из-за огромного флакона духов. Духи во флаконе были розоватые, и голая Алла сквозь них казалась краснокожей. Еще были снимки топлес на яхте, когда Пасюк прикладывала ладонь к козырьку капитанской фуражки и вглядывалась в туманные очертания Мальдивских островов, туры на которые она как раз рекламировала.

Что думал по поводу всего этого Нильский, Женя не знала, а спрашивать не хотела – они не разговаривали и даже не здоровались, когда сталкивались в коридорах факультета или в аудиториях. Зато Слава всю общался с Лизой Гагаузенко, отец которой начал вкладывать капиталы в средства массовой информации: учредил рекламную газету, приобрел разоряющийся глянцевого журнал и сделал его популярным, стал акционером двух телеканалов и, по слухам, намеревался запустить собственную музыкальную радиостанцию. Наверняка о дружбе любовника с Лизой Алле было известно, только вряд ли Пасюк стала бы угрожать расправой дочери очень богатого человека. Впрочем, Женя старалась об этом не думать. Но все равно было обидно.

Как-то в буфете за стол к Жене подседа одна из сокурсниц. И сразу спросила, словно подседа только ради этого:

– Тебя тоже на свадьбу пригласили?

– На какую? – не поняла Женя.

– Так Нильский с Гагаузенко женятся, – вытаращила глаза собеседница. – Ты что, не знаешь?

Актерским талантом природа сокурсницу обделила, и поэтому ее удивление было неискренним и подлым.

– А как же Пасюк? – негромко поинтересовалась Женя.

– Да ты чего? – На этот раз сокурсница вылутила глаза самым натуральным образом. – Неужто ничего не знаешь? Ну, ты даешь! А еще журналистом собираешься стать. По всем новостям уже показали. Алку прихватили на яхте какого-то

бандита, который в розыске был. Его задержали, а потом почему-то отпустили, Пасюк же до сих пор сидит, так как в ее личных вещах обнаружили наркотики. Теперь мы ее не скоро увидим.

– Мне ее жаль, – искренно расстроилась Женя. И только потом поняла, что именно только что услышала – Слава, ее Слава женится на Гагаузенко. Значит, для нее все кончено. Не будет ничего, о чем она мечтала.

– А мне нисколько ее не жалко, – злорадно заявила сокурсница. – Алка это заслужила. Посидит в тюрьме, может, нормальным человеком станет.

– Тюрьма не делает человека нормальным, – вздохнула Женя, продолжая думать о другом.

– Лизка за свадебным платьем в Милан собирается, – продолжала добивать ее сокурсница. – У нее же папашка богатый... Слушай, а может, он и упрятал Алку, чтобы не мешала жить его Лизоньке? Подстроил все, договорился с бандитами и с ментами...

Есть расхотелось, Женя сделала маленький глоток сока из стакана. Затем, поднимаясь из-за стола, сказала:

– Поздравь от моего имени Лизу.

С будущей женой Нильского Женя все годы училась в одной группе. Они, не сговариваясь, даже специализацию выбрали одну и ту же, перейдя на кафедру рекламы и связей с общественностью. Лиза была не очень умна, но и не тупица, не толстая, но и не худая, не высокая и не коротышка, не

красотка, но и не страшная. Лиза не курила, однако в компании могла сделать несколько затяжек. Училась Гагаузенко не хорошо и не плохо. Она могла казаться обычной незаметной студенткой, если бы еще и одевалась как все. Но, будучи дочерью богатого человека, Лиза любила носить вещи, которые, может быть, и не шли ей, зато были ультрамодными и дорогими. И еще: от нее постоянно пахло лаком для волос. Алла Пасюк, конечно, была красивее, эффектнее, на ней даже дешевые безделушки смотрелись как драгоценности, а заношенные потертые джинсы выглядели как умышленно состаренные на фабрике «Дольче и Габбана». То есть всем она превосходила Гагаузенко. Только у нее не было такого папы.

Разумеется, Женю никто на свадьбу не пригласил. Как не пригласили с десятков парней, про которых было точно известно, что они быстро пьянеют, а потом ведут себя неадекватно. По той же причине были отклонены кандидатуры некоторых девочек. Несколько представителей Казахстана и государств Средней Азии при отборе не прошли фейс-контроль: их отклонил отец невесты. С одной из сокурсниц Лиза не разговаривала с первого курса, заподозрив ее в краже мобильного телефона. Женю не позвали без объяснения причин, но причины были понятны всем – у Лукошкиной был роман с женихом, а кроме того, по высказыванию самой Гагаузенко, Женька слишком много о себе воображает.

Торжество состоялось после госэкзаменов. На свадьбе отец невесты объявил собравшимся, что учредил новую ра-

диостанцию и назвал ее «Радио Гага». Генеральным директором Гагаузенко назначил какого-то американца, креативным директором стала, естественно, Лиза, а Нильскому было предложено место заведующего редакцией музыкальных и развлекательных программ.

Но Женя узнала об этом значительно позже, когда уже работала на Михал Михалыча, разрабатывая концепции продвижения на рынок дренажных труб. К тому времени «Радио Гага» звучало из многих автомобильных приемников, а утренняя авторская программа Нильского «Путь к Славе», по результатам многочисленных опросов, постоянно оказывалась самой рейтинговой. Вскоре Нильский стал появляться на телевизионных экранах в качестве ведущего различных ток-шоу. Программы менялись, а завораживающая улыбка Нильского и его вкрадчивый голос оставались неизменными. Слава стал популярным. Он сводил с ума всех женщин, от семиклассниц до пенсионерок, от его голоса любая дама, даже самая дикая тигрица, превращалась в маленького домашнего котенка. Секретарша Броня, узнав о том, что Лукошкина знакома с Нильским, даже не поверила. А когда тот позвонил в офис, едва не потеряла сознание, услышав знакомый мужской голос:

– Девушка, могу ли я пообщаться с Евгенией Лукошкиной?

– Ик, – ответила растерявшаяся Броня и долго не могла перевести вызов на кабинетик Жени.

Разговор тогда получился долгим. Женя не бросала трубку из-за своего дурацкого воспитания, а потому слушала все, что ей пел Слава. Поэтому стоящая под дверью и ожидающая окончания телефонной беседы Бронислава смогла разобрать лишь короткие ответы Лукошкиной: «Встретиться с тобой не могу... просто не хочу... ты и сам все понимаешь... уговаривать меня не надо... забыла и вспоминать не хочу...»

Потом секретарша влетела в ее кабинет с круглыми глазами и с придыханием прошептала:

– Это был он?

Женя кивнула.

– Чего хотел? – продолжала наседать Броня.

– Встретиться.

– А ты?

– А я не хочу.

И все же они встретились. Не в тот вечер, а через пару дней – после того как Слава начал звонить постоянно. Женя согласилась посидеть с ним в кафе и расставить все точки. Собственно, расставить все точки предложил Нильский, а она как раз и не хотела их расставлять. Себе Женя говорила: «Зачем нужна эта встреча?» – но сердце ее колотилось в радостном ожидании и торопило медленно ползущее время.

Встретились они не в кафе, о котором говорил Нильский, а в дорогом ресторане, где Слава заранее заказал столик. Тот располагался в углу зала, а в центре на круглой эстраде стоял белый рояль, на котором пианист во фраке исполнял рег-

таймы Скотта Джоплина.

– Помнишь подвальчик на Кадетской линии? – спросил Слава, когда они опустились в мягкие кресла.

Женя пожала плечами.

– Ну тот, где мы с тобой в первый раз были вместе, – уточнил Нильский.

– И что? – буркнула Женя и отвернулась, чтобы не видеть его глаз.

Вскоре пианиста сменил джазовый квинтет. Музыканты исполняли мелодии Гершвина и Эллингтона. Официанты принесли шампанское и закуски. И вдруг Женя поняла, что не хочет уходить отсюда. То есть не хочет уходить одна. В том смысле, что просто не может вернуться в ту жизнь, где нет Славы. Нильский говорил, она слушала и отвечала. Слава расспрашивал ее о работе и даже предложил ей сменить место.

– У меня теперь большие возможности, – пояснил он, – связи на всех уровнях. Я могу подыскать достойную тебя должность в любой компании с окладом, о котором ты и не мечтаешь.

– Меня пока все устраивает, – ответила тогда Женя, понимая, что Слава не для того пригласил ее в этот ресторан, в зале которого звучит прекрасная музыка, чтобы говорить о ее карьере.

Они выпили уже по паре бокалов шампанского, когда Нильский вдруг сказал:

– У меня все хорошо, но я поспешил с браком.

– Может, поэтому у тебя все хорошо.

Слава нахмурился.

– Я только недавно понял, что это не главное. Главное для меня – ты. Но тебя нет рядом, а потому успех, популярность не имеют никакого значения. Все бы отдал, чтобы вернуться в прошлое, изменить наше настоящее. Если бы это было возможно, то все было бы иначе. Я бы не расстался с тобой. Поверь, не расставался бы никогда.

– Тогда не было бы этого ресторана, не было популярного ведущего радиоэфира и телешоу. Мы бы сидели на маленькой кухне в съемной квартирке, ели бы дешевые пельмени и мечтали об отпуске в Турции, как о чем-то несбыточном, вроде полета на Луну.

– Пусть, – тряхнул головой Слава. – Для меня было важнее то, что ты рядом, что тебя можно обнять и поцеловать в любой момент...

Вдруг он стал говорить о своем чувстве к ней, которое и не умирало никогда. Женя попыталась его остановить, но безуспешно. И сразу поняла, даже до того, как попыталась прервать его, что она тоже любит его. Хотя о том, что она любит его, Женя знала всегда. Но только не представляла себе, даже не мечтала о том, что Слава когда-нибудь признается ей в любви снова. Она слушала его голос и чувствовала, что плывет. Течение подхватило ее; мягкая, теплая волна обняла Женю и несла, покачивая, куда-то в неизвестность. Куда

– неважно, главное, тихо плыть под звуки любимого голоса.

Они вышли из ресторана. Слава бережно и нежно поддерживал ее за руку. Женя прижималась к нему, с тоской понимая, что все это сейчас закончится, что прибой безжалостно выбросит ее сейчас на острые прибрежные камни. Она не хотела расставаться и проклинала себя за это, стараясь сдерживать шаг, чтобы продлить очарование. Слава остановился у огромных стеклянных дверей, за которыми созвездиями мерцали хрустальные подвески люстр холла отеля.

– Зайдем? – тихо предложил Нильский.

Женя ничего не ответила и даже не кивнула. Просто пошла, точнее, поплыла на гребне волны в тихий шелест чужих разговоров, в вечерний сумрак дорогого отеля.

Швейцар в ливрее проводил их до лифта, и худенький юноша в униформе отвез их на последний этаж. Они шли по мягким коврам, и Женя уже понимала неотвратимость этой ночи. Слава остановился у дверей номера и вынул из кармана пиджака электронный ключ. Замок щелкнул почти беззвучно, они вошли в едва освещенную гостиную с панорамным окном, за которым приготовился к прыжку город. На столе стояла ваза с огромным букетом орхидей. Сладкий запах щекотал ноздри, кружилась голова, и губы ждали поцелуя. Слава легко коснулся лицом ее волос, потом сбросил бретельку платья и поцеловал плечо Жени.

– Мой любимый аромат, – шепнула она.

– «Клив Кристиан номер один», – шепнул Нильский, –

семьсот баксов за флакончик.

– Я про орхиде...

Женя не успела договорить. Слава коснулся губами ее рта и заставил замолчать. Потом, не отрываясь от ее губ, сбросил с себя пиджак и попытался снять с Жени платье. Она отстранила его руки и обернулась – ведь здесь должна быть и спальня. В проеме внутренней двери увидела краешек полога кровати и направилась туда. В спальне стоял еще один букет орхидей, и окно тоже оказалось панорамным, во всю стену. За тонкой дымкой стекла был все тот же город. Платье соскользнуло вниз, Слава наклонился и стал снимать с нее туфельки. Она вдруг вцепилась в его волосы, словно ничего уже не хотела, кроме этого момента, застывшего в вечности, – она на виду тысячеглазого монстра, пожирающего ненасытным взглядом ее тело, и Слава, замерший на коленях перед ней...

Утром бледный свет осторожного солнца разбудил Женю. Она посмотрела на спящего Нильского и осторожно сняла его руку со своей груди. Встала с постели и подняла с ковра платье. Все так просто: Нильский заранее снял номер в отеле, наговорил ей разных слов, а она клюнула. Хотя зачем обманывать себя? Сама мечтала о встрече с ним, ждала его признаний – тех, что Слава произносит по ночам в то время, когда она еще верила всем его словам.

Женя надела платье, взяла в руки туфельки, вышла из спальни, подошла к зеркалу и рукой поправила прическу.

Выскользнула из номера босиком, а обулась только перед тем, как войти в лифт. Уже другой худенький мальчик в униформе опустил ее вниз. Перед тем как выйти из кабины, Женя открыла сумочку, достала сторублевку и протянула лифтеру.

– Мерси, мадам, – улыбнулся тот и ловко спрятал купюру в заднем кармане брюк.

Нильский позвонил ей вечером того же дня на мобильный и поинтересовался, когда они встретятся в следующий раз. Женя ответила, что не знает, хотя хотела сказать: «Никогда больше». Слава произнес пару комплиментов, а потом стал врать, что спешит, так как у него вечерний эфир.

Позвонил он через пару недель. Женя отказалась встречаться. Позвонил на следующий после ее отказа день, и она согласилась. Все было то же самое – только другой ресторан и другой отель.

Потом она перестала отказывать. А порой звонила сама и назначала встречу. Часто это бывало или редко, Женя не хотела даже думать об этом. Каждый раз, расставшись с Нильским, она ругала себя, кляла, зарекалась никогда больше не быть такой податливой, но ничего не могла с собой поделать. Женя любила Славу, и любовь грызла ее изнутри с такой неутолимой яростью, с какой голодная собака расправляется с брошенной ей костью. Нильский, вероятно, понимал это. Иногда он говорил, что скоро разведется или даже вот-вот готов сделать это. Может, и не врал.

Может быть, в эти минуты Слава действительно думал, что сможет уйти от Лизы. Но проходила ночь, проскакивало утро, шли дни и месяцы, прошли четыре года, а ничего не менялось. Постепенно Женя привыкла к такому положению. И, презирая себя за слабость, спешила на очередную встречу к Нильскому, чтобы потом измученной вернуться домой. Мама знала об их отношениях. Однажды она даже посоветовала дочке родить от Нильского ребенка. Сказала: если тот и после этого на ней не женится, то и пусть – зато будут ребенок и какая-то цель в жизни.

Но вероятность того, что Женя может забеременеть, пугала Славу не меньше, чем развод с Лизой Гагаузенко. Он соблюдал все меры предосторожности. А другой возможности стать матерью у Жени не было. У нее не было никаких, даже самых мимолетных увлечений. Нильский был первым и единственным мужчиной в ее жизни. Более того, она не сомневалась, что так будет всегда, и ненавидела себя за эту свою собачью преданность. Поэтому, когда Слава вдруг перестал звонить, Женя поблагодарила небо. Но, видимо, так неискренне поблагодарила, что небо ей не поверило.

Глава 4

Перед рассветом по небосклону опять проехала телега с пустыми бочками, но на этот раз на землю не пролилось ни капли. А утром засияло солнце.

В комнату Жени на втором этаже поднялась мама.

– Давай в лес сходим, за грибами, – предложила она.

Лес был рядом, не более ста шагов от калитки участка. Сначала, правда, стояли редкие сосны, но потом лес становился гуще и темнее – грибы в нем водились. По словам мамы, прежде здесь было настоящее грибное изобилие, теперь же приходилось рыскать и заглядывать под каждую встречную елочку либо вглядываться в заросли черники или вереска в надежде разглядеть там темную шляпку боровика.

Они бродили по лесу более трех часов, больше болтали, чем искали грибы, но тем не менее обе насобирали почти по полной корзинке. Про ночные рыдания тетя Женя старалась не вспоминать, но мама сама завела разговор об этом.

– С Никой надо что-то делать. Если раньше ее выпивки были просто дурной привычкой, то теперь уже можно сказать: твоя тетя определенно больна, – высказала мама то, в чем никто уже давно не сомневался. Даже соседи.

– Что ты предлагаешь? – поинтересовалась Женя.

– Не знаю. Прятать от нее спиртное бесполезно. Отыщет или в магазин лишний раз сбегает. Может, ее закодиро-

вать... или, как говорят, подшить? У меня нет опыта общения с пьющими людьми. Твой дедушка не пил вовсе, отец только по большим праздникам позволял себе чуть-чуть.

– Я с ней поговорю, – пообещала Женя.

– Да она ответит, что не пьет совсем. Или скажет, что с завтрашнего дня – ни-ни. А потом будет как прежде. Я уверена, что и сегодня Ника уже приняла. Наверняка ждала, когда мы уйдем, чтобы достать свою заначку. Впрочем, ее даже наше присутствие уже не смущает...

Они как раз подошли к краю леса и одновременно увидели сквозь редкие сосны столб густого дыма, поднимающегося к небу.

– Что это? – удивилась мама.

И тогда они побежали.

Но их обогнала пожарная машина. Когда Женя подскочила к калитке, двое пожарных разматывали брезентовый рукав, другие намеревались проникнуть в дом, который уже полыхал. На дороге у их забора собрались соседи и внимательно наблюдали.

– Вы отсюда? – обратился один из пожарных к Жене.

Та кивнула.

– Есть кто-нибудь в доме?

Женя огляделась по сторонам и увидела тетку, поднимающуюся с раскладушки, стоявшей среди яблонь.

– Думаю, никого.

– Газовые баллоны в доме имеются?

Женя снова кивнула.

– Назад! – крикнул пожарный и махнул рукой своим коллегам, пытающимся войти в горящий дом. – Там газ!

Тут неуверенной походкой к пожарному подошла Ника Владимировна. Она поднесла ко рту сигарету и, пытаясь казаться трезвой, с деловым видом обратилась к мужчине:

– Ребята, огоньку не найдется?

Пожарный ничего не успел ответить, потому что в доме раздался громкий хлопок, а следом сразу из всех окон выбросилось пламя. Толпа зрителей отшатнулась, а Ника Владимировна сообщила всем:

– Кстати, газа там не было. Кончился. Баллон пустой стоял, вот я и пошла отдохнуть под яблонькой.

Дом выгорел дотла. К счастью, соседи, перед тем как вызвать пожарных, оттолкали подальше Женину машинку, где на сиденье обнаружилась чудом оставленная ею сумочка, в которой были документы и деньги. А все, что находилось в доме, сгорело.

Пожарные уехали, сильно пахло гарью, среди обугленных останков дома валялось то, что не могло сгореть: закопченный остов металлической кровати, нечто напоминающее газовую плиту, пружины от диванов и кресел, что-то еще, на что Женя не хотела смотреть. Мама сидела на садовой скамье и плакала. Тетя Ника обнимала ее и гладила по плечу.

– Ты, Вика, успокойся. Наживем еще. Я все компенси-

рую. Буду больше работать и к будущему лету построю новый дом. Лучше прежнего. Викочка, хочешь, я построю каменный дом?

– Ты бы лучше пить бросила, – сквозь слезы сказала мама.

– Что?! – возмущенно взвилась Ника Владимировна. Ну да, у тебя... то есть у всех нас горе – дом сгорел, мой компьютер и все мои сбережения, под матрасом лежавшие. Трагедия, конечно, но не до такой же степени, чтобы меня черт знает в чем обвинять!

Мама перестала плакать и с удивлением посмотрела на сестру. Потом перевела взгляд на дочь:

– Ты слышала? Выходит, я еще от горя и умом тронулась!

Тут в кармане Жениной куртки зазвонил мобильник. Женья вытащила телефончик и посмотрела на дисплей. Номер вызывающего ее абонента был ей не знаком. И все же она нажала кнопку. Но сказать в трубку ничего не успела, сразу услышав медоточивый голос Славы:

– Здравствуй, ласточка...

В глазах Жени потемнело от злости. Ей впервые в жизни захотелось сказать Нильскому что-нибудь обидное, а лучше крикнуть – так, чтобы тот услышал без всякой мобильной связи. Она попыталась вспомнить какое-нибудь подходящее слово, сделала паузу потому, что ничего не лезло в голову, а Слава продолжал:

– Я случайно узнал, что ты сейчас работу ищешь. Вот и подсуетился немного – позвонил на наш родной факультет

и все решил. Тебя возьмут преподавателем на кафедру стилистики. Только надо поторопиться, потому что они как раз учебные планы составляют и в ближайшие дни должны согласовать программу. Не тяни, завтра же подъезжай к Шашкину, он тебя будет ждать. Закончишь с ним, перезвони мне, а то я волнуюсь...

– Спасибо, – прошептала Женя.

– Так, может, и увидимся завтра? А то сколько не встречались! Я, правда, загружен работой, перезагружен даже, но для тебя всегда смогу выделить вечерок...

– Хорошо, – так же тихо ответила Женя.

– Ладно, солнышко, не переживай, – продолжал радоваться жизни Нильский, – скоро все переменится. Завтра увидимся, и я расскажу о том, что ожидает нас в...

Женя отключила телефон и посмотрела на маму и тетку.

– Кажется, я нашла работу, – сообщила она.

Мама быстренько перекрестилась.

– Ну, слава богу.

А тетя Ника вздохнула и загадочно произнесла:

– А ведь ты, Женечка, могла оказаться моей родной дочкой.

Мама за спиной своей до сих пор не протрезвевшей сестры покрутила пальцем у виска.

Глава 5

На самом деле журфака уже не было. То есть все еще стояло знакомое всем выпускникам факультета здание и были те же стены, коридоры, аудитории, деканат и кафедры, но вместо факультета журналистики пару лет назад при университете создали институт информационных технологий. Хотя, если не считать того, что декан стал называться ректором, деканат ректоратом, ничего, в сущности, не изменилось. Все по-прежнему называли новый институт журфаком, а ректора промеж себя деканом.

С ректором Женя знакома не была: тот вступил на должность как раз в год окончания ею университета. Идея о преобразовании журфака в новый институт как раз и принадлежала новому руководителю. Однако некоторые знакомые уверяли Женю, что ректор человек простой, очень общительный и приветливый. Ректор не был журналистом-практиком, он преподавал долгое время в столице, опубликовал большое количество статей, был профессором и даже членом академии русской словесности. Звали его Максим Анатольевич Шашкин.

Утром последующего после пожара на даче дня Женя вошла в приемную ректора. За секретарским столом сидела незнакомая ей женщина.

– Вы к кому? – строго поинтересовалась секретарша.

Лукошкина удивилась вопросу, потому что считала, что в кабинете ректора ее ожидает ректор, а не кто-то другой.

– Я к Максиму Анатольевичу.

– А читать вы умеете? – еще более суровым тоном спросила женщина.

Женя растерялась, как будто не знала ответа на такой простой вопрос. А секретарша добавила измученным объяснениями голосом:

– Там же на двери ясно указаны приемные дни и часы. Так что приходите завтра – с четырех до шести. Только предварительно запишитесь у меня в журнале с указанием цели вашего визита. А то ходят тут с разными пустяками, отвлекают занятого человека.

– Но мне сказали, чтобы я сегодня к нему зашла.

– Кто вам мог сказать такую глупость?

Женя задумалась, стоит ли говорить правду, и призналась все-таки:

– Слава Нильский.

Лицо сорокалетней дамы мгновенно преобразилось, стало просветленным.

– Сам Нильский это сказал? – с приветливым сомнением спросила она.

– Лично, – подтвердила Женя.

– Тогда я сейчас узнаю, сможет ли Максим Анатольевич принять вас в порядке исключения.

Секретарша вскочила, поправила прическу, подошла к бе-

лой дубовой створке с табличкой и скрылась за ней. Не прошло и минуты, как она снова вернулась в приемную и кивком показала Жене на дверь:

– Проходите. Только не долго. У ректора через сорок минут совещание.

Женя пообещала не задерживать занятого человека и вошла. За большим столом сидел седой человек лет шестидесяти и внимательно изучал ежедневник.

– Моя фамилия Лукошкина, – представилась Женя.

– А моя Шашкин, – не поднимая головы, отозвался ректор. – Не тяните, говорите, по какому вопросу и чем я могу помочь.

– Меня прислал к вам Слава Нильский. Он узнал, что я ищу работу, и сказал, что на кафедре стилистики есть вакансия.

Седой человек усмехнулся.

– Ох уж эти мне радиожурналисты... Прокукарекают, а там хоть не рассветай. Вакансий у нас нет ни на одной из кафедр. У нас, наоборот, переизбыток ставок, а фонд заработной платы увеличивать нельзя. В конце года, вероятно, придется расстаться кое с кем из преподавательского состава. Из тех, разумеется, кто достиг пенсионного возраста. А вы говорите...

Ректор замолчал. Женя поняла, что аудиенция окончена.

– Простите, – вздохнула она. И повернулась, чтобы удалиться.

– Погодите, – прозвучал ей в спину голос ректора. – Как, вы сказали, ваша фамилия?

– Лукошкина.

Женя снова развернулась лицом к большому столу. Ректор сидел, уже глядя не в ежедневник, а на потолок, словно вспоминая что-то.

– Я, между прочим, этот факультет окончил, – произнес он, – попал по распределению в «Вечерку»... Попасть туда в те годы для выпускника то же самое, что в космос слетать, то есть невозможно, но мне дал протекцию уважаемый человек из серьезной организации. Таким в те годы не отказывали. Проработал в редакции меньше года, а потом меня взяли в горком, инструктором в сектор печати. Но о работе в газете у меня остались самые теплые воспоминания. Так вот вместе со мной тогда в газете работал некий Лукошкин. Помню, у него какой-то промах случился. Тот человек был выпускающим номера и допустил ляп. Не опечатку пропустил, которую заметил бы любой корректор, а ошибку политического свойства. Сейчас не помню точно, какую именно. Вопрос стоял об увольнении его из газеты с волчьим билетом, об исключении из Союза журналистов. Но сотрудника все-таки оставили. Он весьма удачно успел жениться на дочери секретаря правления городского отделения Союза журналистов, и дело замяли. Объявили выговор по партийной линии даже без занесения в учетную карточку, а потом и выговор сняли. Как же звали того парня? Витя? Петя? Да, кажется,

Петр.

– Его звали Николай Сергеевич, – уточнила Женя. – Это был мой отец. А секретарем правления городского отделения Союза журналистов был Владимир Владимирович Колосов, мой дед.

– Да вы что?! – удивился ректор и поднялся из своего кресла. – Вот какие совпадения бывают. Ну, и как они сейчас поживают?

– Оба умерли, – ответила Женя. – Дедушка, когда я еще маленькая была, а папа в год моего окончания школы – обширный инфаркт.

– Мда, – вздохнул Шашкин, – время никого не щадит. Да и профессия у нас такая... А вы что окончили?

– Наш с вами факультет.

Ректор задумался, а потом опять вздохнул:

– Вакансий нет. Но если вы согласитесь поработать у нас методистом по обеспечению учебного процесса, то я готов вас принять. А позже, если освободится ставка, вместе подумаем о вашем будущем. Согласны на такие условия?

– Согласна, – кивнула Женя. – Здесь все для меня родное, даже запах тот же самый, что был в годы моей учебы.

На том разговор закончился. Ректор велел Жене идти в учебный отдел, а сам обещал позвонить туда и договориться о ее трудоустройстве.

Женя сдала документы, подписала трудовой договор, и ей было сказано приступить к исполнению обязанностей уже с

завтрашнего утра.

А вот Слава Нильский так и не позвонил. Впрочем, Женя и не рассчитывала на это.

Глава 6

В первый же день Лукошкина поняла, что работы будет много, даже очень много. Хотя на первый взгляд могло показаться, что ничего сложного в ее обязанностях нет, но порядок оформления официальных бумаг, документов, справок и отчетов надо было запомнить сразу, чтобы впоследствии не допускать ошибок. Только запомнить это сразу или даже выучить за несколько дней показалось Жене делом нереальным, как будто тот, кто придумал эти формы, долго трудился над тем, чтобы все усложнить.

Поначалу к ее столу посадили еще одну методистку, чтобы та помогала и объясняла. Но вскоре методистка по имени Ирина заявила, что у нее самой с работой завал, который разгребать некому, и посоветовала новенькой во все лично вникать, чтобы легче запоминалось. А уж если совсем немогуту будет, то можно позвонить ей, Ирине, и проконсультироваться по телефону. Но лучше этого не делать.

И Женя решила не беспокоить занятого человека, стала пытаться сама во всем разобраться. Весь день она, скрючившись, корпела над бумагами, так что к вечеру заболела поясница и возникла мысль: не о такой работе ей мечталось.

Дважды в кабинет заходила начальник учебного отдела Кефирова и интересовалась, как справляется новая сотрудница.

– С трудом, – каждый раз отвечала Женя.

Но от нее не требовали объяснений, что именно непонятно.

– Вникайте побыстрее! – приказала Кефинова в последний свой визит. – А то из-за вашей некомпетентности может развалиться весь учебный процесс. Представляете? Сотни студентов, не считая преподавателей и сотрудников, трудились зря, потому что кто-то не справляется с какой-то ерундой, понятной любой дуре. Все ясно?

– Почти, – кивнула Женя. – Однако у меня вопрос по статистической справке. Вы не могли бы...

– Не могла бы! – оборвала ее Кефинова. – Я ваш непосредственный начальник и не обязана знать все. Моя обязанность заключается в том, чтобы вы все знали. Не справляетесь, так и скажите – быстро найдем другого методиста, который не станет задавать глупых вопросов. Чтобы завтра утром на моем столе лежали списки всех зачисленных на первый курс.

До конца рабочего дня оставалось совсем немного. Женя сверяла списки зачисленных абитуриентов, когда вдруг услышала знакомый голос. Подняла голову и увидела перед своим столом Аллу Пасюк. Растерялись обе.

– А ты чего здесь? – первой пришла в себя бывшая сокурсница.

– Работаю.

Алла оглядела кабинет таким взглядом, словно впервые

оказалась в нем, а потом пожала плечами:

– А я преподаю. Два года назад защитила диссертацию. А потом...

Ей явно хотелось поговорить.

– Пойдем покурим, – предложила она.

– Я не курю.

Но Алла уже направилась к двери.

Они уселись на стулья в пустой курилке. Пасюк оглядела Женю и без всякого выражения на лице констатировала:

– А ты не изменилась, все такая же...

– Зато ты вся такая представительная, – сделала комплимент Женя.

– Стараюсь соответствовать.

Пасюк и в самом деле изменилась, немного располнела. Мини-юбки и маечки с вырезами Алла, вероятно, став преподавателем, исключила из своего гардероба. На ней теперь были строгий серый костюм и туфельки на среднем каблук. Только сейчас Женя обратила внимание на ее ступни и невольно отвела взгляд – обувь была никак не меньше сорок первого размера. Раньше это так не бросалось в глаза, видимо, оттого, что Пасюк при своем немалом росте ходила на высоченных шпильках.

– Да, не ожидала тебя здесь встретить, – затягиваясь, произнесла Алла.

– И я, признаться, тоже. Мне сказали, что тебя отчислили и что...

– Отчислили, но потом восстановили, – быстро поправила Пасюк. Внимательно посмотрела на Женю, пытаясь понять, что той известно, решила, видимо, Лукошкиной наболтали лишнего. Поэтому, не снижая голоса, объяснила: – Меня подставили. Я даже определенно знаю, кто именно. Подкинули наркоту, дело начали шить. Но я ведь тоже не под забором родилась. Среди моих поклонников нашлись достойные люди, которые добились справедливости. Вернулась на факультет, защитила диплом. Потом аспирантура, диссертация. Нелегко, конечно, было, ведь я параллельно вышла замуж и родила ребенка...

– И кто у нас муж? – поинтересовалась Женя.

Пасюк сделала круглые глаза, словно услышала вопрос, ответ на который известен всем.

– А тебе не доложили разве?

Женя пожала плечами. Алла хмыкнула, достала из сумочки новую сигарету, прикурила и равнодушно ответила – будто речь шла о каком-то малозначительном предмете:

– Кэлман.

Фамилия показалась Жене знакомой. Очень знакомой. И вдруг она сообразила.

– Василий Трифонович? Заместитель декана?

Пасюк кивнула и поправила:

– Проректор по научной работе. Он был моим руководителем в аспирантуре. Так получилась, что...

Алла не договорила – отворилась дверь, в курилку вошли

Кефилова и еще две женщины. Кефилова внимательно посмотрела на беседующих Женю и Пасюк. После чего спросила:

– Лукошкина, вы статистическую справку по зачисленным подготовили?

– Вы же сказали представить к завтрашнему утру. Но если надо срочно, то через двадцать минут принесу.

– Так что вы тут расселись? Или думаете, вся ваша работа пройдет в курилке? Понабирают тут...

Снова открылась дверь, и в проем заглянул ректор. Все поднялись, приветствуя его. Первой вскочила Кефилова.

– А, вот вы где, – заходя в курилку, произнес Шашкин, обращаясь к Жене и показывая рукой всем, чтобы они опустились на свои места. – Я вас искал.

Максим Анатольевич посмотрел, куда можно присесть, чтобы оказаться рядом с новой сотрудницей. Пасюк поднялась и уступила ему свой стул. Она уже докурила вторую сигарету и ушла бы, но распирало любопытство: каким это образом такая мелкая сошка, как Лукошкина, могла заинтересовать ректора. Замолчали и прислушались остальные.

– Так вот, Евгения Николаевна, – широко улыбаясь только Жене, начал Шашкин, – я перерыл свои записи и обнаружил то, что имеет отношение к нашему вчерашнему разговору. Случай, конечно, уникальный по своей комичности и вместе с тем трагизму. Не единичный, разумеется, но, пожалуй, очень яркий. Сейчас к печати готовится учебник по

истории русской и советской журналистики под моей общей редакцией, и я непременно, прямо сегодня, включу в него то, что случилось с вашим отцом.

Ректор обернулся к другим слушателям, посмотрел на Пасюк и произнес таким тоном, словно обращался к студентке, опоздавшей на его лекцию:

– А вы что это, милочка, столбом встали? Присаживайтесь и слушайте.

Алла послушно опустилась на свободное место.

– Двадцать семь лет назад, – начал рассказ Шашкин, – отец уважаемой мною Евгении Николаевны трудился замом ответственного секретаря в крупной городской газете, куда я попал по распределению. Так вот, подписывая в свет очередной номер, он пропустил ошибку. Я понимаю, да и все понимали, что он, как выпускающий, несколько раз его уже вычитал, потом подписал в печать, затем уж, не просматривая сигнальный экземпляр, отправил номер на ротацию. Теперь вот слушайте внимательно! Газета была вечерней, то есть в ней должны были оперативно появляться все дневные новости. А самой главной новостью того дня оказался визит Генерального секретаря ЦК КПСС в Баку. Естественно, материал на первую полосу. На второй – всякие городские события: партийная жизнь, производственные успехи трудовых коллективов; на третьей полосе – культура и прочая ерунда; на последней – ничего не значащие события, криминальные сводки, реклама, кроссворд, программа теле- и

радиотрансляций... Именно на четвертой полосе в тот день была опубликована заметка о молодом цирке, который, не имея своего помещения, мотался на фургонах по городам и весям, выступая перед тружениками полей и перед строителями Байкало-Амурской магистрали. Заметка называлась «Цирк на колесах», а при ней имелась фотография: веселый клоун на велосипеде катит по улицам какого-то городка, за ним бегут дрессированные собачки. Так вот, номер напечатали, тираж спустили в экспедицию, началась уже развозка – и тут – бомба! Да какая! Все городское партийное руководство могло тогда полететь. При Сталине бы точно всех расстреляли. Оказалось, что перепутали заголовки. Над большой фотографией, где был запечатлен открытый лимузин с Генеральным секретарем, стоя приветствующим счастливый народ Азербайджана, стояло – «Цирк на колесах». А на четвертой полосе над фотографией клоуна на велосипеде значилось «Прибытие Генерального секретаря ЦК КПСС в Баку». Все наше управление, то есть управление КГБ по Ленинграду и области, встало на уши. Виновного нашли сразу. Естественно, взяли того, кто выпускал номер. Начались допросы. Но на защиту уважаемого мною Николая Сергеевича Лукошкина встал принципиальнейший человек – секретарь правления городского Союза журналистов Владимир Владимирович Колосов. Бывший фронтовой корреспондент, кавалер многих орденов, человек необычайной отваги... Вы даже представить себе не можете, сколько усилий он прило-

жил, чтобы спасти невинного. Как выяснилось, провокатором был верстальщик номера. Раньше ведь как газеты печатались? Никаких компьютеров, текст линотиписты набирали, а заголовки верстальщики, которые из кассы, где хранились свинцовые литеры, доставали те буквочки, которые были нужны, и составляли заголовки, размещая их по полосам. Так вот этот негодяй решил покончить с собой... Тому верстальщику, видите ли, изменяла жена, причем с участковым милиционером. Вот мужчина и подумал: в измене жены виновата советская власть и что жить ему не стоит, раз такое дело. Расчет был такой: он делает провокацию, попадет под расстрел, его поступок всколыхнет народные массы, волна протеста прокатится от Камчатки до Калининграда, на защиту новой революции поднимутся западные страны... потом состоится совещание в Совете Безопасности ООН, будет принята резолюция об установке памятника герою-верстальщику во всех крупных городах СССР, в Париже, в Лондоне, в Пекине, а самую большую статую водрузят в Нью-Йорке на специально построенном острове рядом со статуей Свободы. То есть верстальщик будет стоять с поднятой кассой с набором своего заголовка рядом со Свободой, как рабочий и колхозница Веры Мухиной у ВДНХ. Обманутого мужа, конечно, не расстреляли, а отправили в спецлечебницу под Казань, где в те годы поправляли психическое здоровье все диссиденты. В лечебнице, насколько мне известно, он покусал медсестру, а после того, как освободился через

восемнадцать лет, открыл секс-шоп в своем родном Крыжополе. Вот у таких героев я учился, – закончил свой рассказ Максим Анатольевич. И тут же поправился: – Вы понимаете, что я имею в виду отца и деда нашей уважаемой Евгении Николаевны Лукошкиной.

Сгоревшая сигарета обожгла пальцы Кефировой. Нина Николаевна затрясла рукой. Алла Пасюк отвернулась к окну, а две другие сотрудницы факультета во все глаза разглядывали Женю. Причем созерцали ее с таким притворным восторгом, словно все их будущее зависело теперь только от ее расположения.

– Я, пожалуй, пойду, с вашего разрешения, – произнесла Женя, поднимаясь, – мне списки поступивших надо подготовить.

– Отставить! – твердо произнес Шашкин. – До утра все равно ничего не изменится. Сегодня у вас первый рабочий день, а по древней журналистской традиции это событие надо отметить. Пойдемте ко мне в кабинет – я вас угощу старым армянским коньячком. Попробуете и сразу почувствуете разницу между нынешней французской бодягой, что продают у нас сейчас, и настоящим продуктом.

– Я за рулем, – сказала Женя.

– Жаль, – расстроился ректор. – Но завтра на работу приезжайте на метро. Выпьем, как полагается, а домой вас мой водитель доставит. Договорились?

Женя кивнула. Алла смотрела на нее через прищур, Ке-

фирова смахнула испарину со лба, а у двух других сотрудниц свело челюсти от застывших слишком приветливых улыбок.

Вечером позвонила мама. Теперь в комнате, где прежде обитала Женя, поселилась тетя Ника, оставив свое жилище племяннице. Женя волновалась за маму, которой придется многое терпеть. Но больше, конечно, тревожилась за тетку, которую вряд ли что-то может остановить.

– У нас две новости, – почему-то стала шептать мама.

– Хорошая и плохая, – догадалась Женя.

– Почему? – удивилась мама. – Нет, обе хорошие. Хотя я и не знаю точно. Тут к нам приезжал сосед по даче, Саленко, с предложением.

– Кому он сделал предложение? – удивилась теперь Женя.

– Всем нам. Он предложил построить для нас новый дом. Разумеется, не такой большой, как прежде. Сказал, размером шесть на восемь. Даже пообещал воду подвести и сделать автономную канализацию.

– С чего вдруг?

– Небезвозмездно, разумеется. Он построит нам новый дом, а мы за это переписываем на него часть нашего участка, которая граничит с его землей. Ему надо восемь соток.

– То есть мы отдаем ему все наши сосны.

– Жаль, конечно, – вздохнула мама, – это ж восемь соток.

Но, с другой стороны, нам-то самим дом не построить, даже самый маленький. А Саленко говорит, в том, что он предла-

гает возвести, будут две спальни и маленький кабинет наверху, а на первом этаже гостиная с кухней и еще одна спальня, не говоря уже о туалете и душевой кабинке.

– Надо брать, – поспешила согласиться Женя. Затем спросила: – А вторая новость какая?

– Даже не знаю, как и сказать. Вторая новость главная – Ника уже третий день не пьет.

Глава 7

Шашкин заглянул в Женин кабинет и махнул рукой:

– Евгения Николаевна, попрошу зайти ко мне.

Сначала Женя не поняла, зачем понадобилась ректору, но потом вспомнила вчерашний разговор и его предложение выпить коньячку. Вдвоем они шли по коридору. Попадающиеся им навстречу студенты, преподаватели и сотрудники, приветствуя ректора, жались к стенам и бросали быстрые взгляды на Лукошкину.

В кабинете все уже было готово. На большом столе для заседаний была расстелена бумажная скатерть, на которую выставлены закуски – тарелочки с нарезанными лимоном, сыром, бастурмой, вазочка с фруктами и большая плитка шоколада.

Максим Анатольевич достал большую хрустальную бутылку и поставил её перед собой.

– Мне стыдно признаться, – попыталась отговориться Женя, – но я опять сегодня за рулем.

– Мой водитель вас отвезет, – не приняв возражений ректор.

Он указал на стул, опустился за стол сам и начал открывать бутылку, продолжая говорить.

– Если вы считаете, что я выпиваю с каждым принятым на работу сотрудником, то ошибаетесь. Если думаете, что я

алкоголик и просто ищу повод для выпивки, то ошибаетесь вдвойне. Тем более тут такой коньяк, который я хранил почти полтора десятка лет.

Шашкин до половины наполнил два коньячных бокальчика, один из них вручил Жене.

– Подержите фужер в ладони, чтобы напиток нагрелся до температуры тела. Только так пьют хороший коньяк. Всякое другое пойло можно охладить и проглотить залпом и еще запить соком, как делают сейчас многие, чтобы не было неприятных ощущений. А этот коньяк дарит вкус, аромат и радость. Это вообще не коньяк, а немного радости в хрустальной бутылке. После второй рюмки уже забываешь, что наш мир несовершенен, а если мы с вами выпьем всю бутылку...

– Я не смогу, – призналась Женя.

– Так я и не заставляю. Просто хочу выпить сегодня именно с вами. За вашего деда, которого я знал, может, и не очень хорошо, однако достаточно, чтобы сказать о нем пару слов. Это был исключительно порядочный и честный человек. Он помог многим. Есть такая шутка, будто журналистика – вторая древнейшая профессия. Что ж, отчасти правда. Хрущев вообще называл журналистов подручными партии. Было и такое. Но дед ваш, Евгения Николаевна, так смотрел людям в глаза, что от его взгляда подлецам становилось не по себе, а честные люди начинали верить, что все в мире будет хорошо, когда на земле есть такие люди. Я помню его руки – руки труженика...

– Дедушка даже дом на даче своими руками построил, – встала Женя. – Правда, дом сгорел на днях.

– Жаль, но дело наживное, – покачал головой Шашкин, – никто не погиб, и то хорошо. Давайте же выпьем за вашего деда. За то, чтобы земля была ему пухом и чтобы там, где он сейчас находится, его любили и уважали так же, как и при жизни.

Женя сделала маленький глоток.

– Не так, не так! – встрепенулся ректор. – Подержите коньяк немного во рту, пусть он слегка пощиплет язык, и только потом проглатывайте.

Женя так и сделала, осушив свой бокальчик. Шашкин дождался окончания процесса и продолжил разговор:

– На самом деле я вчера немного слукавил, когда пытался вспомнить имя вашего отца. Я его хорошо помню. Просто этот Нильский позвонил проректору, и Кэлман пришел просить за вас. Я бы отказал ему сразу, чтобы не быть ничем обязанным этому человеку, но он назвал вашу фамилию, и я решил проверить, родственница вы уважаемым мною людям или просто однофамилица.

– Вам не нравится Василий Трифонович?

– Только между нами – на дух не переносу. Как ученый и преподаватель Кэлман – полный нуль, даже нуль с минусом. Журналист, ни дня не проработавший в печати. У него, кстати, нет даже базового образования. Опубликованных работ мало. Я просмотрел темы его диссертаций. Кандидатская

посвящена внедрению принципа плюрализма на страницах советской печати. Во времена Горбачева это было модно. А докторская и того хуже: «Журналистика переходного периода как важнейший рычаг демократизации постсоветского общества». Не тема, а прямо лозунг с плаката. Не ученый, а услужливый лакей, так и слышишь его вопрос – чего изволите? Но хуже всего, что он лакей с амбициями. А главное, везде пытается пропихнуть своих людей – таких же холоуев, как сам. Вот почему я не хотел принимать вас на работу. Тем более что вакансий сейчас действительно нет. Через год только появятся, когда я выгоню отсюда кое-кого. А пока потерпите немного.

– Простите, Максим Анатольевич, но ведь идея преобразовать журфак в самостоятельный институт, говорят, именно ваша.

– Так я и не скрываю. Самостоятельное учебное учреждение – это отдельное финансирование. Большие бюджетные вливания, не говоря о средствах, получаемых за коммерческое обучение. Сейчас пока все эти средства уходят в кассу университета, нам достаются лишь крохи с барского стола. Больше, конечно, страдают естественно-научные факультеты, где фактически прекратилось финансирование научных и исследовательских программ. Зато ректор и два десятка его приближенных получают несусветные оклады. На одну только личную безопасность ректора сейчас тратится в месяц столько, что можно целый год содержать физическую ла-

бораторию со штатом сотрудников в десяток человек. А ведь у ректора есть еще и приглашенные советники – юристы, маркетологи какие-то, которым выплачиваются сумасшедшие гонорары. Через год, когда у нас уже будет выделено отдельное финансирование, мы не только поднимем зарплату профессорско-преподавательскому составу, но и создадим свою учебную теле- и радиостудию с самым современным оборудованием. А посмотрите, какая сейчас техника на кафедре визуальной журналистики! Если у кого-то из преподавателей хорошая камера или компьютер с мощным процессором, то они точно личные, за каждую эту вещь преподаватель отдал полугодовую зарплату, отказывая себе и своей семье в самом необходимом, лишь бы студентов обучать как положено... Мда... Нынче большие деньги закачиваются в образование, да вот только уровень образования падает год от года. И основная причина этому – то, что выделенные на учебный процесс средства используются не по назначению. А проще говоря, разворовываются. Причем разворовываются почти в открытую. Каждый год перед наступлением зимы у нас начинают ремонтировать кровлю зданий. Каждый год! Будто и не было прошлогоднего ремонта. Причем квадратный метр крыши по стоимости дороже метра дорожного полотна какого-нибудь хайвея в Калифорнии. И ведь никого не смущает, что никаких работ не проводилось ни в этот год, ни в прошлый, ни в позапрошлый. Залезают на крыши какие-то личности, сидят там, курят, бросают сверху окурки и

поплевывают на студентов, как будто так и надо. Все воруют. А в былые годы только за одно подозрение в нечистоплотности люди постов лишались. Ваш дедушка ушел из секретарей правления, когда его дочь заподозрили в связях...

Шашкин посмотрел на Женю и замолчал. Потом все же продолжил:

– Я что-то не то говорю? Или вы не знаете этот случай?

– У моего дедушки были две дочери, – напомнила Женя. – И имена обеих переводятся «Победа»: мою маму зовут Виктория, а тетя – Ника. Никаких скелетов в шкафу у нашей семьи нет, все говорится в открытую. Просто я не помню тот случай, о котором вы упомянули.

Максим Анатольевич дернул плечом.

– Дело давнее. На квартиру вашего деда пришли с обыском. Якобы была получена информация, что его дочь хранит и перепродает краденые вещи. Потом все, разумеется, прояснилось. Оказалось, одна из дочерей Владимира Владимировича была знакома с молодым человеком, промышлявшим квартирными кражами. Группа воров, которыми он руководил, обчищала дома состоятельных горожан, извлекая, как тогда говорилось, нетрудовые доходы: работников торговли и общественного питания, зубных техников, валютчиков и фарцовщиков. Не знаю уж, кого именно, Викторию Владимировну или Нику Владимировну, задержали и отправили в следственный изолятор, но Владимир Владимирович сразу сложил с себя обязанности секретаря правления город-

ского Союза журналистов. А позже, конечно, открылось, что дочь его ни при чем. Некий молодой человек, ухаживавший за ней, делал ей подарки, стоимость которых девушка не могла знать. Как и того, откуда он брал эти вещи, сие тоже было ей неизвестно. Любовь – штука такая...

Максим Анатольевич замолчал и прислушался.

– Я, кажется, забыл запереть дверь приемной, и теперь там кто-то находится.

Шашкин поднялся, направился к выходу в приемную, но створка тут же отворилась, и в кабинет ректора заглянул Василий Трифонович Кэлман. Он бросил взгляд на Женю, на накрытый стол, на бутылку коньяка. А потом взглянул на ректора и произнес деловым тоном:

– Мне надо поговорить с вами. Вопрос серьезный. Дело в том...

Кэлман умолк и покосился на Женю, намекая Шашкину, что при посторонних не хочет беседовать.

– Завтра, – сказал ему Максим Анатольевич. – Мы тут уже заканчиваем, поэтому не приглашаю присоединиться к нам. Мне срочно надо домой.

– Буквально пять минут.

– Пяти минут для обсуждения серьезного вопроса не хватит, следовательно, и серьезного вопроса нет.

Василий Трифонович помялся в дверях, затем, пятясь, спиной вперед двинулся в приемную. Ректор вышел вслед за ним. Пока дверь за ними не затворилась, до Жени долетел

жаркий шепот мужа Аллы Пасюк:

– Я вас прошу, я буду вам по гроб жизни обязан...

Дверь затворилась. Через несколько минут Шашкин вернулся в свой кабинет.

– По рюмочке мы и в самом деле успеем еще выпить. Жаль, что нас засекли. Такой разговор сорвали...

Вдвоем они вышли на улицу. Женя с тоской посмотрела на свой автомобильчик. Шашкин перехватил ее взгляд.

– Я же обещал доставить вас до дома.

Они подошли к черному «Ренджроверу». Максим Анатольевич вынул из кармана ключи, с брелока снял сигнализацию, распахнул перед Женей дверь салона, а сам пошел усаживаться в водительское кресло.

– А где же ваш водитель?

– Так это мой личный автомобиль. А на служебном я решил водителю сегодня забрать жену из роддома. Она ему двойню родила. Представляете, какое счастье у парня – на двух мужиков в семье больше будет.

– А как же...

– Во-первых, я выпил всего ничего, – догадался, о чем говорит Женя, Шашкин, – а во-вторых, вы номер моего авто видели? Такие машины не останавливают. У меня номер, какие вешают на автомобили из гаража городской администрации. Выбил себе такую привилегию. Как-никак почти восемь лет отработал в команде предыдущего президента.

Машина рванула с места. Женя обернулась, чтобы посмотреть на вход в здание факультета, и вздрогнула. Ей показалось, что на ступенях стоит Михал Михалыч и смотрит, как она уезжает.

Конечно, не надо было садиться в автомобиль начальства: то, что методистку куда-то увозит на личном транспорте ректор, могли видеть многие сотрудники, а потом сделать неправильные выводы. Даже если и не сделают, все равно шушукаться будут. А потому Женя попросила высадить ее у станции метро. Шашкин тут же вывел машину из потока и остановился у дорожного бордюра.

– Вот ваша станция.

Сразу выскакивать из автомобиля показалось Жене не очень тактично. К тому же она хотела узнать еще кое-какие подробности той истории с ворованными вещами, подаренными одной из дочерей Владимира Владимировича Колосова. Но не решилась, спросила о другом:

– Накануне вы рассказали о верстальщике. Неужели все так и было?

– Не совсем, – ответил Максим Анатольевич. – Было, конечно так, только красок добавил. И еще хочу сказать. Вашего деда я встретил в Доме журналиста, когда он, собрав личные вещи, оставлял свой кабинет. Я подошел и поздоровался, чего Владимир Владимирович, по-видимому, не ожидал. Колосов пожал мне руку и предложил спуститься в бар выпить по кружке пива. А при расставании вдруг сказал:

«Жить надо так, чтобы можно было достойно умереть, а не сдохнуть». Я почему-то сегодня с самого утра вспоминаю эту его фразу.

Женя попрощалась, вышла из машины, направилась к метро. Потом, сама не зная зачем, обернулась. Автомобиль ректора резко стартанул с места, а вслед ему рванул большой черный «Мерседес», очень похожий на тот, что был у Михал Михалыча.

Вечер Женя провела у мамы. Тетя Ника стучала у себя в комнате на компьютере и просила ее не беспокоить, потому что она честным трудом собирается искупить свой проступок. В этот момент Женя вспомнила о том, что одна из дочерей журналиста Колосова была под следствием, сидела в «Крестах», и утвердилась в своем предположении, что это была именно тетя Ника. Они пили с мамой чай, и Женя не стала пытаться узнать про тот случай. Обсудили предложение соседа Саленко и решили позвонить ему.

– Я не сомневался, что вы согласитесь, – сообщил тот. – Поэтому даже начал фундамент заливать для вашего дома.

– А если бы мы отказались? – поинтересовалась Женя.

– Подарил бы фундамент вам. Только что бы вы с ним делали? Если есть желание узнать, какое строение появится на вашем участке, дайте мне электронный адрес, и я сброшу вам по электронке проект дома, чтобы вы могли сами посмотреть на него.

Женя удивилась такой продвинутости немолодого чело-

века. Саленко было за пятьдесят, прежде он служил в армии и пару лет назад вышел в отставку. Тогда же и купил соседний участок. Купил, если верить слухам, за большие деньги. «Наверное, всю жизнь копил», – предположила тогда мама.

И сейчас она порадовалась:

– Какой замечательный у нас сосед! Дай бог ему здоровья! Неужели у нас снова будет дом и мы заживем как прежде?

– Как прежде, уже ничего не будет, – заявила, выходя из соседней комнаты, тетя Ника. – Другой дом, значит, другая жизнь. Скоро у всех у нас все переменится.

Ночевать Женя не осталась, поехала к себе. Подошла к лифту, нажала на кнопку. Кабина начала спускаться, как вдруг хлопнула створка парадного – кто-то быстро вбежал со двора. Лифт остановился на первом этаже, его двери разъехались. Женя обернулась и увидела спешащего к лифту незнакомого мужчину в мятом льняном пиджаке и протертых джинсах. Прежде она никогда не видела его, а потому шагнула в сторону и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.